

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ

ВТОРАЯ СЕССИЯ

1947 год

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЕ ОТЧЕТЫ ПЛЕНАРНЫХ ЗАСЕДАНИЙ

СТО ДЕСЯТОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Четверг, 13 ноября 1947 года, 15 час.

Флошинг Медоу, Нью-Йорк

Председатель: г-н О. АРАНЬЯ (Бразилия)

66. Учреждение межсессионного комитета Генеральной Ассамблеи: доклады Первого и Пятого комитетов (документы А/454, А/454/Согг.1 и А/463)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Следующий пункт в повестке дня — доклад Первого комитета об учреждении межсессионного комитета Генеральной Ассамблеи, документ А/454. Слово предоставляется Докладчику Первого комитета.

Г-н КАУФМАН (Дания) (говорит по-английски): Вопрос об учреждении межсессионного комитета Генеральной Ассамблеи был, как вы знаете, передан в Первый комитет. Обсуждение этого вопроса началось 14 октября, и после продолжительных дебатов Первый комитет утвердил проект резолюции 6 ноября 1947 года сорока тремя голосами против шести при шести воздержавшихся. Как только что сказал Председатель, эта резолюция содержится в документе А/454. Этот документ был распространен через несколько дней после принятия резолюции и известен всем присутствующим здесь делегатам.

Представляя доклад Первого комитета, я осмелюсь предложить считать как доклад, так и резолюцию зачитанными. Я подсчитал, что минуты, которые мы сэкономим, отказавшись от зачитывания резолюции, составят для Организации Объединенных Наций и для различных делегаций экономию в несколько сот долларов. Думаю,

что поговорка «время — деньги» сохраняет во Флошинге ту же силу, что и в Лейк Соксесе, и, возможно, здесь она еще более верна.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): В соответствии с правилом 112 временных правил процедуры Генеральной Ассамблеи Пятый комитет представил Генеральной Ассамблее доклад о финансовых последствиях предложения, внесенного Первым комитетом. Этот доклад содержится в документе А/463.

Слово предоставляется Докладчику Пятого комитета.

Г-н Багге (Швеция) зачитывает следующий доклад этого Комитета о финансовых соображениях, связанных с учреждением межсессионного комитета Генеральной Ассамблеи (документ А/463):

«1. В соответствии с положениями правила 112 временных правил процедуры Генеральной Ассамблеи Пятый комитет рассмотрел на своем девяносто пятом заседании финансовые соображения, связанные с учреждением межсессионного комитета Генеральной Ассамблеи (документ А/С.5/209).

2. Определенно установлено, что рассмотрение этого вопроса не связано с ассигнованиями, но его целью является осведомление Генеральной Ассамблеи о том, как учреждение межсессионного комитета отразится на бюджете Организации Объединенных Наций. Пятый комитет решил, что, ввиду того что Генеральная Ассамблея будет обсуждать этот вопрос на своем ближайшем пленарном заседании, ей будет представлено к этому времени только заключение Комитета относительно бюджетных последствий уч-

реждения межсессионного комитета. Если же Генеральная Ассамблея выскажется в пользу учреждения этого комитета, то связанные с этим сметные предположения со всеми подробными разъяснениями к ним будут переданы Консультативному комитету по административным и бюджетным вопросам на рассмотрение и для доклада Пятому комитету до голосования о размерах ассигнований по отдельным статьям.

3. Представитель Союза Советских Социалистических Республик заявил, что советская делегация будет голосовать против любых расходов, связанных с учреждением межсессионного комитета Генеральной Ассамблеи. Так как позиция Советского Союза по этому вопросу была ясно изложена в Первом комитете, его делегация не будет участвовать в подробном рассмотрении бюджетных предположений для межсессионного комитета. Представитель Польши заявил, что его делегация оставляет за собой право просить Генерального Секретаря, чтобы взносы Польши не были использованы для покрытия расходов предлагаемого межсессионного комитета, и что его делегация считает это предложение противоречащим Уставу. Представители Югославии, Белорусской Советской Социалистической Республики и Украинской Советской Социалистической Республики присоединились к точке зрения советской делегации.

4. Представитель Китая поднял, в качестве руководящего для Консультативного комитета, вопрос о принципах обеспечения постоянных или полупостоянных комитетов местными средствами сообщения. По его мнению, ввиду того что каждой делегации все равно придется позаботиться о создании своей канцелярии при штаб-квартире Организации Объединенных Наций, нет надобности включать в бюджет сумму в 21 000 долларов для посылки автомашин в распоряжение каждой делегации. Представитель Соединенного Королевства предложил сократить ассигнуемые суммы с 191 000 долларов до 180 000 долларов, для того чтобы принять во внимание этот принципиальный вопрос, но передать его на усмотрение Консультативного комитета.

5. Предложение определить бюджет приблизительно в 180 000 долларов и предоставить Консультативному комитету дальнейшую разработку деталей было принято при поименном голосовании тридцатью четырьмя голосами против шести при четырех воздержавшихся. Пятый комитет имеет честь доложить Генеральной Ассамблее, что, по его мнению, в 1948 году для осуществления предложения, если оно будет принято Генеральной Ассамблеей, потребуется вышеуказанная сумма».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Соединенных Штатов.

Г-н ДАЛЛЕС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Предложение об учреждении межсессионного комитета для рассмотре-

ния вопросов мира и безопасности было первоначально внесено Соединенными Штатами. Поэтому я очень рад, что открываю это обсуждение, хотя доклад и резолюция, находящиеся перед вами, отражают точки зрения очень многих делегаций и резолюция в ее настоящем виде несколько изменена по сравнению с резолюцией, предложенной Соединенными Штатами.

Я думаю, что те из нас, кто работает здесь, совершенно ясно видят необходимость создания межсессионного комитета для оказания помощи Генеральной Ассамблее в решении стоящих перед ней проблем мира и безопасности. Без какого-то органа, который сможет своей деятельностью помочь Генеральной Ассамблее в промежутках между ее пленарными заседаниями, она не будет в состоянии должным образом работать над проблемами такого рода. Более того, по моему мнению, было доказано, что если Генеральная Ассамблея попытается рассмотреть эти вопросы в рамках одной очередной сессии, то в результате этого другая работа Генеральной Ассамблеи будет заброшена и мы уделим все внимание только проблемам мира и безопасности. Таким образом, деятельность Генеральной Ассамблеи будет носить однобокий характер.

Разумеется, Генеральная Ассамблея помимо всего прочего — это орган мира и безопасности. Однако этим ее роль не ограничивается. Перед ней стоит много других задач. Кроме своей деятельности в области мира и безопасности Генеральная Ассамблея имеет обязанности в области экономики, социальных проблем, прав человека и в области других аналогичных вопросов. Множество людей ожидают от нас осуществления великой задачи объединения народов для борьбы с теми, кто материально и духовно мешает благосостоянию человечества. Для того чтобы должным образом выполнить эту огромную задачу, следует организовывать нашу работу так, чтобы рассматривать проблемы мира и безопасности, но, рассматривая их, не занимать все внимание Генеральной Ассамблеи в ущерб другим стоящим перед нами великим задачам. Именно по этой причине делегация Соединенных Штатов внесла предложение об учреждении межсессионного комитета.

Это представляется совершенно нормальным и естественным мероприятием. Глава IV Устава предусматривает десять четко определенных областей деятельности Генеральной Ассамблеи. В каждой из этих областей, кроме одной — вопросов международного мира и безопасности, — есть либо главные, либо вспомогательные органы, которые осуществляют деятельность в этих областях в промежутках между очередными сессиями Генеральной Ассамблеи; и, по-видимому, принимая во внимание проблемы, стоящие перед Генеральной Ассамблеей, нет никаких логических или практических причин, по которым в период между ее сессиями не должна проводиться работа также и в области международного мира и безопасности.

Против создания такого межсессионного комитета были выдвинуты известные возражения. Эти возражения делятся примерно на две группы: возражения юридического характера и возражения политического характера. Я коротко рассмотрю эти возражения, хотя уверен, что другие ораторы также сделают это и даже более успешно.

Юридические возражения заключаются в том, что такой межсессионный комитет не является вспомогательным органом, который Генеральная Ассамблея имеет право создавать в соответствии со статьей 22 Устава, но представляет собой в действительности главный орган, который не может быть создан иначе, как путем принятия поправки к Уставу. Конечно, резолюция, которую зам предлагают принять, гласит, что это — вспомогательный орган. Однако утверждают, и я полностью с этим согласен, что это не обязательно вспомогательный орган лишь потому, что его так называют. Разумеется, в равной степени верно и то, что он не является главным органом только потому, что так его кто-то называет.

Проверка должна быть проведена путем определения, что подразумевается под словом «вспомогательный», а затем путем применения этого определения к тому предложению, которое находится перед вами. Конечно, могут быть различия во мнениях относительно определения слова «вспомогательный». Однако мы располагаем определением, данным г-ном Вышинским, которое в достаточной мере отвечает настоящей цели. Во время обсуждения в Первом комитете он заявил, говоря о вспомогательных органах, что: «Это такие органы, которые будут помогать Ассамблее в осуществлении ее функций... Их функции» — то есть функции вспомогательных органов — «могут заключаться лишь в оказании помощи Генеральной Ассамблее»¹. Смею утверждать, что в соответствии с вышеупомянутым определением предлагаемый межсессионный комитет, несомненно, является вспомогательным органом.

В соответствии с положениями данной резолюции его функцией будет «содействовать Генеральной Ассамблее в выполнении этой последней своих обязанностей». Далее излагаются его полномочия. В первую очередь — это обязанность рассматривать и докладывать следующей сессии Генеральной Ассамблеи либо конкретные вопросы, которые данная сессия может специально передать в межсессионный комитет для изучения, наблюдения и принятия мер, либо вопросы, которые, возможно, войдут в повестку дня следующей сессии Генеральной Ассамблеи и которые относятся к проблемам мира, безопасности и дружественных отношений. Находящаяся перед вами резолюция, в которой говорится об учреждении

такого межсессионного комитета, четко ограничивает его деятельность оказанием помощи Генеральной Ассамблее. Комитет не может принимать никаких собственных решений по существу. Комитет не может давать никому никаких рекомендаций. Комитет может только проводить изучение вопроса и докладывать следующей пленарной сессии, с тем чтобы дать возможность Ассамблее лучше осуществлять ее обязанности в данной области в течение этой сессии.

В частности, отмечалось, что эта резолюция неполноценна с юридической точки зрения, так как она дает право такому межсессионному комитету производить расследование и обследование в помощь проводимому им изучению и для последующей разработки рекомендаций, которые он может дать Генеральной Ассамблее. Отмечалось, что единственным органом Организации Объединенных Наций, который имеет специальные полномочия осуществлять расследования, является Совет Безопасности, и что, соответственно, лишь Совет Безопасности имеет право проводить их. Разумеется, совершенно верно, что лишь Совет Безопасности имеет полномочия проводить расследования, подкрепленные мерами принуждения. Статья 25 предусматривает, что члены Организации Объединенных Наций обязаны «подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их». Поэтому Совет Безопасности может создать орган по расследованию, который имеет полномочия проводить расследования там, где это требуется, и вызывать того, кто ему нужен. Верно также и то, что ни Генеральная Ассамблея, ни какой-либо вспомогательный орган Генеральной Ассамблеи не имеет юридической силы навязывать расследование какой-либо стране или лицу, которые этого не желают. Данная Генеральная Ассамблея не обладает такой властью. Однако признание этого не означает, что Генеральная Ассамблея не может осуществлять мероприятия для выяснения фактов или проводить обследования, необходимые для того, чтобы она могла принимать мудрые решения и делать мудрые рекомендации. И действительно, Генеральная Ассамблея неоднократно использовала свои полномочия на проведение расследований. Примечательным случаем является Палестина, где Специальная комиссия по вопросам Палестины была уполномочена — я цитирую резолюцию² — «производить расследования в Палестине и всюду, где она найдет это желательным». Я повторяю, что успех таких расследований, проводимых властью Генеральной Ассамблеи, зависит от сотрудничества, а не от принуждения.

В находящейся перед членами Генеральной Ассамблеи резолюции совершенно ясно говорит-

¹ См. документ A/C.1/SR.74.

² См. Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на первой специальной сессии, резолюция 106 (S—I), стр. 6.

ся об этом. В ней говорится, что расследование или соби́рание показаний вне расположения Центральных учреждений Организации Объединенных Наций не должно производиться без согласия государства или государств, на территории которых они должны иметь место.

Смею утверждать, что Генеральная Ассамблея, безусловно, правомочна, таким образом, стремиться собирать сведения, необходимые для того, чтобы она могла осуществлять свои непосредственные обязанности и делать хорошие рекомендации. Несомненно, Устав Организации Объединенных Наций был бы неполноценным, если бы, возлагая большие обязанности на Генеральную Ассамблею в вопросах мира и безопасности, он запрещал или препятствовал Генеральной Ассамблее делать то, что необходимо для осуществления этих обязанностей. Конечно, Устав этого не делает.

Статья 22 Устава, которая уполномочивает Генеральную Ассамблею «учреждать такие вспомогательные органы, которые она сочтет необходимыми», явно предназначалась для таких ситуаций, какая возникла сейчас. Для того чтобы Генеральная Ассамблея могла должным образом осуществлять свои многосторонние обязанности, она должна опираться на предварительное изучение вопросов мира и безопасности, стоящих на ее повестке дня. Предлагаемый межсессионный комитет предназначен лишь для того, чтобы оказать помощь такого рода, и, таким образом, в соответствии с любым определением, этот комитет, несомненно, является вспомогательным органом, отвечающим смыслу статьи 22 Устава.

Теперь я перейду к вопросу, касающемуся общей политической линии. Даже допуская, что данная Генеральная Ассамблея имеет юридические полномочия на учреждение межсессионного комитета, должна ли она, исходя из своей политической линии, делать это? Против этого выдвигаются два основных аргумента. Первый аргумент состоит в том, что такой межсессионный комитет в случае его учреждения породит неподобающее соперничество между Генеральной Ассамблеей, или межсессионным комитетом, и Советом Безопасности.

Разрешите мне вначале рассмотреть этот аргумент. Резолюция, находящаяся перед делегатами, ясно и безоговорочно направлена на предотвращение любого непосредственного соперничества между межсессионным комитетом и Советом Безопасности. Пункт 3 предлагаемой резолюции гласит: «Межсессионный комитет не должен заниматься вопросами, находящимися на рассмотрении Совета Безопасности».

Это положение соответствует первоначальному намерению Соединенных Штатов, так как, внося наше предложение, я сказал, что межсессионный комитет не должен изучать какую-либо ситуацию, которая в этот момент включена в повестку дня Совета Безопасности. Совершенно ясно, что межсессионный комитет никоим образом не может

рассматривать вопросы, которые в это время находятся перед Советом Безопасности.

Конечно, эта проблема имеет и более широкий аспект. Дело в том, что если собственная процедура голосования будет мешать Совету Безопасности рассматривать вопросы мира и безопасности, то такие вопросы неизбежно будут во все более возрастающей степени вставать перед Генеральной Ассамблеей. Это произойдет, в частности, в том случае, если Генеральная Ассамблея будет располагать соответствующими возможностями для рассмотрения таких вопросов.

Мы много спорили в Первом комитете относительно того, подчиняется ли Организация Объединенных Наций тому, что называется «законом равновесия», или тому, что называлось «законом компенсации». Указывалось, что «закон равновесия» означал бы, что все органы должны будут сохранять точное равновесие между собой. Имелось в виду, что, если, например, Совет Безопасности окажется совершенно бессильным, Генеральная Ассамблея должна будет также сделаться совершенно бессильной, с тем чтобы сохранить равновесие между этими двумя органами.

Другой закон — «закон компенсации» — означал бы, что если один орган Генеральной Ассамблеи становится неполноценным, другой будет стремиться наращивать силы и возможности, с тем чтобы принять на себя возросшее бремя. Не имеет смысла отрицать тот факт, что в существующей обстановке в некоторой степени действует «закон компенсации». И если это нарушает равновесие, то исправление положения зависит от Совета Безопасности. Если члены Совета Безопасности будут осуществлять то, что предписывает Устав, а именно «обеспечение быстрых и эффективных действий», тогда им не нужно беспокоиться о соперничестве со стороны Генеральной Ассамблеи. Возможно, так и произойдет, и это будет одним из благотворных результатов нашего нынешнего начинания.

Генеральная Ассамблея не может отказываться от права подготавливаться к тому, чтобы должным образом рассматривать такие вопросы. Она имеет одинаковую с Советом Безопасности юрисдикцию; однако, как я указал, имеются различия в объеме полномочий. Государства-члены, которые требуют, чтобы было применено принуждение, должны обращаться в Совет Безопасности. Если они не могут добиться таких действий там, они имеют такое же право передать вопрос в Генеральную Ассамблею и апеллировать к моральному авторитету этого органа. Единственный способ должным образом положить конец стремлению обращаться в этот орган состоит в том, чтобы Совет Безопасности сам стал достаточно эффективным и государства-члены предпочитали бы обращаться к нему. В соответствии со статьей 35 государства-члены имеют право ставить вопрос либо перед Советом Безопасности, либо перед Генеральной Ассамблеей.

Второй аргумент, касающийся общей политической линии, заключается в том, что если Генеральная Ассамблея получит возможность для эффективного рассмотрения политических проблем, то это подорвет попытки урегулирования политических разногласий путем прямых переговоров. В Первом комитете делегация СССР часто ссылалась на такие конференции, как конференции в Тегеране, Ялте и Потсдаме, как на лучший способ достижения политических решений и сохранения единогласия между великими державами. Представитель Польши заявил, что деятельность Генеральной Ассамблеи должна носить такой характер, чтобы это заставляло великие державы искать решения именно в этом направлении.

Если мы будем реалистичны и искренни, то мы должны признать, что этот пункт является основой возражения, выдвинутого делегацией СССР в Первом комитете против учреждения межсессионного комитета. Делегация СССР утверждает, что якобы по мере того, как Генеральная Ассамблея будет все лучше приспособляться к рассмотрению политических проблем, такие проблемы будут все в большей и большей мере ставиться перед ней и будут решаться, по определению советской делегации, «механическим голосованием», при котором СССР попадет в число тех, кто окажется в меньшинстве. Это — вопрос, требующий серьезного внимания.

Если действия Генеральной Ассамблеи действительно представляют собой механическое голосование, тогда это не то место, где должны рассматриваться серьезные политические проблемы. Однако, если, с другой стороны, Генеральная Ассамблея представляет собой «всемирную сходку», где свободно обсуждаются вопросы, представляющие общий интерес, и где выявляется мировое общественное мнение, то она подходящее место для обсуждения таких проблем.

Конечно, Устав в том виде, в каком он был принят в Сан-Франциско, предполагал, что Генеральная Ассамблея будет отражать мировое общественное мнение таким образом, что это придаст заслуженный авторитет ее рекомендациям. Неужели эти большие надежды уже рухнули? Если так, то положение действительно серьезно.

Делегация СССР заявляет, что одна или две страны, сочетая принуждение с приманкой, всегда контролируют большинство голосов в Генеральной Ассамблее и что поэтому результаты голосования, как утверждает эта делегация, являются механическими и не отражают честного и независимого суждения. Это серьезное обвинение.

Конечно, такая «всемирная сходка», как и все сходки, не идеальна. Несомненно, в ней участвуют лица, которые руководствуются не только собственными моральными и интеллектуальными убеждениями, но и политическими и экономическими соображениями. Допускаю, что по крайней мере один блок государств голосует, по-видимому, механически.

Однако в целом на проведенных до сих пор

сессиях Генеральной Ассамблеи наблюдались лишь некоторые признаки механического голосования. Нет такой страны, которой бы постоянно удавалось проводить свою точку зрения; у каждой страны были свои успехи и неудачи. Вряд ли какая-либо резолюция, принятая на этой сессии Генеральной Ассамблеей, была утверждена в том виде, в каком она была внесена. Невозможно найти какие-либо два государства, которые иногда не голосовали бы совместно. Нельзя также, за редким исключением, найти какие-либо два государства, которые время от времени не голосовали бы друг против друга.

Никто из тех, кто внимательно следил за ходом этой сессии и предыдущих сессий Генеральной Ассамблеи, не может, положив руку на сердце, отрицать, что наиболее мощной силой, действующей в Генеральной Ассамблее, является сила морального и интеллектуального убеждения. Подкомитет, который работал над находящейся перед нами резолюцией, очень хорошо иллюстрирует мою точку зрения. В этом Подкомитете группа способных людей, представляющих множество различных точек зрения и множество различных юридических систем, работала вместе в течение шестнадцати заседаний. Вначале было много сомнений и разногласий; однако они были разрешены путем призывов к разуму и нахождения формулировок для выражения общей цели. В истории Организации Объединенных Наций не было примеров более компетентной и честной работы, чем работа, проделанная этим Подкомитетом. Для тех, кто присутствовал на всех заседаниях Подкомитета, называть его работу механической — значит исказить истину.

Я уверен, что делегация СССР в действительности не считает, что рекомендации этой Генеральной Ассамблеи ничего не стоят, так как они якобы представляют лишь механическое большинство, обеспечиваемое запугиванием или посулами. Сама деятельность этой делегации и ее собственные заявления опровергают это обвинение. В той же самой речи, в которой излагалась теория механического большинства, говорилось, что Соединенные Штаты, очевидно, не осмеливаются представить план Маршалла на рассмотрение Организации Объединенных Наций. Если Соединенные Штаты не осмеливаются предложить этот план Генеральной Ассамблее потому, что они опасаются морального суждения этого органа, то что может быть лучшим доказательством независимого морального суждения и авторитета данной Генеральной Ассамблеи?

Делегация СССР находится в курьезном положении, утверждая, с одной стороны, что определенные политические проблемы не должны представляться на рассмотрение Генеральной Ассамблеи, потому что в ней Соединенные Штаты настолько доминируют, что ее рекомендации лишены моральной силы, а с другой стороны, обвиняя Соединенные Штаты в обходе Генеральной Ассамблеи, потому что они боятся морального суждения этого органа. Какой же вариант приемлем? Конечно, мы можем согласиться с той

точкой зрения, что Генеральная Ассамблея действительно имеет большой моральный авторитет. Если это так, то в соответствующих случаях такой моральный авторитет должен быть поставлен на службу интересам мира.

Несомненно, все политические проблемы мира не следует автоматически сваливать на Генеральную Ассамблею. Большинство международных вопросов следует решать через дипломатические каналы путем прямых переговоров, мирных конференций и совещаний, таких как совещания Совета министров иностранных дел. Как заявил государственный секретарь Маршалл 14 сентября, накануне открытия этой сессии Генеральной Ассамблеи: «Мы делаем серьезную ошибку, считая, что каждая международная проблема должна рассматриваться Организацией Объединенных Наций. На деле это не было бы ни желательным, ни практичным»³.

Нелегко провести черту, которая четко разграничивала бы то, что должно рассматриваться Генеральной Ассамблеей, от того, что должно рассматриваться в другом месте. До сих пор, по крайней мере, государства-члены проявляют чувство такта и ответственности. На этой сессии Генеральной Ассамблеи рассматриваются три основных политических вопроса: Палестина, Греция и Корея. В каждом из этих случаев были испробованы и до конца использованы другие имеющиеся пути и был нанесен серьезный ущерб миллионам невинных людей, а возможно, возникла бы и угроза миру, если бы нельзя было прибегнуть к помощи Генеральной Ассамблеи, где может быть высказано окончательное моральное суждение.

Конечно, в будущем возможны злоупотребления юрисдикцией Генеральной Ассамблеи. Однако я считаю, что мы можем доверять Генеральной Ассамблее в том, что она будет бдительна, защищая собственное достоинство, и не допустит снижения значимости своих решений. Генеральная Ассамблея не должна защищать себя, прибегая к недостойной процедуре превращения в недееспособный орган.

Некоторые делегации заявили, что если межсессионный комитет будет учрежден, они не примут участия в его работе. Я думаю, что нам не следует воспринимать это как окончательное решение. Это решение, несомненно, основано на предположении, что идея создания межсессионного комитета представляет собой нечто вроде заговора, направленного на нарушение Устава и уничтожение Совета Безопасности. Таких кровавых намерений нет. Нет оснований сомневаться в том, что межсессионный комитет будет на самом деле выполнять исключительно то, для чего он предназначен, а именно: не выходя из четко определенных рамок, помогать Генеральной Ассамблее. Он не будет пытаться играть роль главного органа или узурпировать власть, которой облечен Совет Безопасности или другие

органы Организации Объединенных Наций. Этот комитет будет показателем нормального и здорового роста, и я уверен, что при таких условиях все государства-члены примут участие в его работе.

Сообщалось, что на последнем большом народном праздновании в Москве по случаю 30-й годовщины Октябрьской революции демонстранты несли щит с изображением государственного секретаря Маршалла и меня, подрубающих дерево с надписью «Организация Объединенных Наций». Дело здесь не в том, что отдельные лица представлены в неверном свете, а в том, что это доказывает веру русского народа в Организацию Объединенных Наций и желание видеть в ней живой и растущий организм.

Межсессионный комитет — признак такого здорового роста. Если бы такого роста не было, Организация Объединенных Наций была бы уже отмирающим явлением. Этого не хочет ни один народ, и, конечно, этого не хочет русский народ. Поэтому, несмотря на то, что было здесь сказано, я продолжаю надеяться, что все члены Организации Объединенных Наций будут также едины в этом вопросе. Я напоминаю, что Устав основан не только на решении правительств объединиться, но и на воле народов. Устав гласит: «Мы, народы..., решили объединить наши усилия для достижения этих целей». Я знаю, что эта решимость народов объединить свои усилия не исчезнет, и я верю, что она найдет отражение во всей деятельности Организации Объединенных Наций.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Союза Советских Социалистических Республик.

Г-н ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): На нашей повестке дня стоит вопрос о межсессионном комитете. Советская делегация считает, что вопрос о межсессионном комитете имеет чрезвычайно большое политическое значение, так как он затрагивает интересы всей Организации Объединенных Наций, всю ее деятельность, затрагивает вопрос даже о самом существовании Организации Объединенных Наций как международного органа по охране и поддержанию мира и безопасности народов.

Этот вопрос мы рассматриваем как тесно связанный с вопросами о Совете Безопасности, с тем местом, которое занимает Совет Безопасности в системе Организации Объединенных Наций, с той ролью, которую Совет Безопасности играет в деятельности Организации Объединенных Наций. Уже при самой постановке вопроса о межсессионном комитете не было и не могло быть у нас никакого сомнения в том, каковы истинные цели, преследуемые инициаторами предложения об учреждении межсессионного комитета. Сегодняшнее выступление г-на Даллеса с этой трибуны было направлено на то, чтобы еще раз сделать попытку убедить, что целью учреждения межсессионного комитета вовсе не является его

³ См. *Department of State Bulletin*, Vol. XVII, No. 429.

противопоставление Совету Безопасности, вовсе не является то, что мы сказали,—убить Совет Безопасности. Г-н Даллес сказал, что таких кровавых планов и намерений ни у кого нет.

Я постараюсь дальше показать, как обстоит дело в этом отношении в действительности. Есть ли такие планы или нет таких планов, есть ли такие планы и есть ли попытки прикрыть эти планы, завуалировать, замаскировать таким образом, чтобы не создалось такого впечатления, что этот межсессионный комитет действительно организуется и учреждается для того, чтобы его противопоставить Совету Безопасности.

Ни для советского правительства, ни для советской делегации уже с самого начала, когда предложение о создании межсессионного комитета было внесено государственным секретарем Маршаллом 17 сентября, не было никакого сомнения, что речь идет именно о том, чтобы свести на нет Совет Безопасности, чтобы подрубить его корни, и в этом отношении та карикатура, которая в дни празднования 30-летия Великой Октябрьской социалистической революции фигурировала, по словам г-на Даллеса, на улицах Москвы и о которой здесь сегодня говорил г-н Даллес, вполне соответствует тому пониманию всего этого дела, которое за многие тысячи километров отсюда москвичи подхватили и правильно передали всему советскому обществу.

Уже тогда, когда ставился вопрос об учреждении межсессионного комитета, советская делегация указывала на то, что этот комитет предполагают учредить с тем, чтобы этот новый орган, который, судя по его полномочиям и функциям, будет призван играть важную роль в жизни нашей организации, подменил собой Совет Безопасности, получив право рассматривать дела и вопросы, подлежащие исключительно компетенции Совета Безопасности.

Учреждение межсессионного комитета—это поход против Совета Безопасности. Я хочу напомнить заявление г-на Маршалла от 17 сентября с. г. На Ассамблее г-н Маршалл, излагая свои соображения о межсессионном комитете, назвал его «Межсессионным комитетом по вопросам мира и безопасности». Я прошу обратить на это название особое внимание. Он сказал: это будет межсессионный комитет по вопросам мира и безопасности. Он сам пояснил далее, что в его функции будет также входить рассмотрение различных споров и ситуаций, наносящих ущерб дружественным отношениям между народами. Он добавил к этому, что создание межсессионного комитета укрепит аппарат для мирного разрешения споров и предоставит неограниченные возможности для дальнейшего изучения по окончании этой Ассамблеи проблем, которые Организация Объединенных Наций должна разрешить, если она хочет преуспеть.

Не случайно, таким образом, г-н Маршалл вопрос о межсессионном комитете связал с требованием внести изменения, как он выразился, в

особые правила Совета Безопасности, то есть в правило единогласия, которое является обязательным при решении в Совете Безопасности всех важных вопросов. Попытка подменить Совет Безопасности межсессионным комитетом была настолько ясна и вызвала такие сомнения и подозрения у ряда делегатов в конституционности учреждения межсессионного комитета, что правительство Соединенных Штатов поспешно перестроилось в этом вопросе и приняло меры к тому, чтобы, по возможности, замаскировать свои настоящие цели. Вот почему, когда спустя десять дней в Генеральной Ассамблее появился американский документ с предложением об организации межсессионного комитета, мы могли убедиться в том, что из заголовка «Межсессионный комитет по вопросам мира и безопасности» исчезли слова «мира и безопасности» и этот комитет, задуманный, запроектированный как межсессионный комитет по вопросам мира и безопасности, неожиданно превратился в скромный комитетик обычного типа без единого намека на вопросы мира и безопасности.

Чем объясняется такая неожиданная трансформация? Ответ мы находим в нью-йоркской газете, которая, безусловно, лучше осведомлена об этих вопросах и обо всех закулисных действиях, чем любая из присутствующих здесь делегаций других стран. Мотивы, по которым делегация Соединенных Штатов Америки вычеркнула слова «по вопросам мира и безопасности» из названия межсессионного комитета, видны из сообщения газеты, которая напечатала следующее:

«Государственный секретарь Маршалл заявил в Ассамблее, что комитет, предусмотренный в его предложении, предназначается не для того, чтобы «вмешиваться» в функции Совета Безопасности или любой из ее комиссий; но многие делегации, очевидно, не были убеждены в этом.

Становилось ясным, что предложение Соединенных Штатов не получит требуемых двух третей голосов Генеральной Ассамблеи, если оно не будет таким путем изменено. Сейчас считают, что оно получит две трети голосов, несмотря на решительные возражения Советского Союза и его сторонников».

Что означает это сообщение американской печати? Оно означает не больше, не меньше, как то, что, исключая из самого названия этого комитета—«Межсессионный комитет по вопросам мира и безопасности»—слова «по вопросам мира и безопасности», авторы этого предложения стремились замаскировать свои действительные цели—собрать побольше голосов, привлекая к себе те делегации, которые поверят, что это не тот комитет по вопросам мира и безопасности, новый, второй, параллельный комитет, который будет конкурировать с настоящим комитетом по вопросам мира и безопасности, законным комитетом по вопросам мира и безопасности, тем комитетом, который называется Советом Безопасности.

Если бы были другие цели, а не маскировка, то зачем бы понадобилось убирать слова «мира и безопасности» из заглавия межсессионного комитета. Допуская такую аляповатую, грубую форму, я бы сказал, примитивную форму, правительство США не подумало о том, что оно должно считаться с общественным мнением в странах, являющихся членами Организации Объединенных Наций, и о том, что хотя в США имеется правительство, это правительство не является еще мировым правительством, которое может игнорировать общественное мнение в других странах, мировое общественное мнение, и может считаться только со своими собственными желаниями, стремлениями, намерениями и планами. В спешке, которая вообще характеризует всю эту стряпню с организацией межсессионного комитета, не подумали его авторы о том, какое впечатление произведет заголовок, в котором указывается, что это — комитет по вопросам мира и безопасности, а в то же время имеется другой комитет по вопросам мира и безопасности — именно Совет Безопасности.

Но когда реакция получилась неблагоприятная, когда кое-кто высказал сомнения — а я знаю, что среди вас многие сомневаются в законности этого мероприятия, и позднее я назову эти делегации и попытаюсь дать разъяснения по этому вопросу Генеральной Ассамблее, — когда это грубое, аляповатое, я бы сказал, солдатское предложение смутило значительную часть делегаций, которые начали выражать тревогу, сомнения, тогда явилась необходимость мобилизовать маляров от политики, которые сумели бы перекрасить фасад, замазать старую вывеску, навесить на старое здание новую вывеску и сделать вид, будто это так было задумано с самого начала. Я считаю, что вся эта история с переменной названию — это скандальная история. Она изобличает действительно бесцеремонное обращение с Генеральной Ассамблеей, когда, после того как Генеральная Ассамблея услышала из уст представителя американского правительства в лице государственного секретаря Маршалла предложение об организации межсессионного комитета по вопросам мира и безопасности, из документа эти слова поспешно убрали.

Итак, самое изменение названия межсессионного комитета, исключение этих важных слов было сделано для того, чтобы успокоить встревоженных делегатов, которые могли бы отказаться проголосовать за него и подать две трети голосов за столь обнаженное в своем неприглядном виде предложение Соединенных Штатов Америки. Иначе нельзя понять отклики нью-йоркской печати, которые нашли свое выражение в цитируемой мною сейчас статье. Меня поэтому не удивило, что г-н Даллес всю свою речь посвятил сегодня тому, чтобы еще раз доказать, что этот орган не будет представлять никакой конкуренции по отношению к Совету Безопасности, что никаких кровожадных замыслов у авторов этого проекта не имеется и что, в сущности, для него непонятно, из-за чего загорелся этот сыр-бор. Ведь

дело идет об обыкновенном комитете, каких много, какие учреждаются периодически, о которых никто не шумит и которых, может быть, даже не замечают, а здесь вдруг советская делегация подняла шум и начала атаку!

Эта история с названием межсессионного комитета говорит сама за себя. Ясно, что это свидетельствует о топорной работе, проделанной в спешке, о том, что этот комитет подготовлялся, очевидно, по русской поговорке: «Тяп да ляп, вышел корाप». Вся эта история не так уже проста, как здесь пытался сегодня изобразить представитель США. Это — определенный политический маневр. Но это не единственный и не самый важный маневр. Более серьезным маневром является попытка представить межсессионный комитет в качестве вспомогательного органа, чтобы, таким образом, решение об учреждении межсессионного комитета, противоречащее Уставу, прикрыть статьей 22 Устава, в которой говорится, что Генеральная Ассамблея уполномочивается учреждать такие вспомогательные органы, которые она сочтет необходимыми для осуществления своих функций.

Таким образом, весь вопрос переносится в другую плоскость. Нам говорят: статья 22 разрешает организовывать вспомогательные органы. Вот мы и учреждаем этот комитет, который и есть вспомогательный орган. Сначала пытались изобразить советскую позицию так, будто бы советская делегация отрицает право Генеральной Ассамблеи создавать вспомогательные органы. Мы это опровергли, указали на несостоятельность такого рода утверждения. Мы указывали на то, что доказать, что это есть вспомогательный орган, можно, только обратившись к анализу самих функций этого комитета. Г-н Даллес здесь ссылаясь на мое определение того, что такое вспомогательный орган. Неплохо, конечно, что он принимает наше определение, но как его применить теперь на практике? Если мы определили, что это есть орган, который обязан и должен, может и способен оказывать помощь Генеральной Ассамблее, и только в этих пределах должны строиться его функции, то надлежит теперь сделать следующий логический шаг и посмотреть, соответствуют ли этому определению вспомогательного органа и тому принципу, который положен нами в основу данного определения, те функции, которыми наделяется межсессионный комитет решением большинства Первого комитета, которое сегодня предложено на ваше утверждение.

Анализ функций этого комитета доказывает, что это не вспомогательный орган. Советская делегация не может согласиться с тем, что это вспомогательный орган. Американские представители утверждают, что все функции этого органа заключаются только в том, чтобы подготовить материалы, доложить эти материалы Генеральной Ассамблее со своими заключениями. Такой же подготовительный характер они пытаются придать межсессионному комитету и говорят о

функции по расследованию тех или других фактов, связанных с поддержанием международного мира и безопасности. Однако, несмотря на всю казуистику и ухищрения, американский представитель не может не признать, что утверждением межсессионного комитета преследуется цель компенсировать, как он выразился, недостаточную деятельность Совета Безопасности.

Развивая эту свою теорию компенсации, г-н Даллес привел очень образный пример. Он сказал: если одна рука парализована, то что же, прикажете парализовать и другую руку? Нет, другой руке, не парализованной, здоровой, сильной, нужно дать дополнительную нагрузку, согласно законам компенсации, действующим в природе, которые, как утверждает г-н Даллес, применимы и к общественной жизни (хотя законы биологии не применимы к обществу и социологии). Эта рука будет выполнять свою работу и возьмет на себя нагрузку другой, парализованной руки. Вдумайтесь в теорию компенсации применительно к нашей Организации. Что получается? Получается такая картина: парализованный орган — это Совет Безопасности, дряблый, неспособный к деятельности, бессильный, чего не может терпеть Организация Объединенных Наций; необходимо создать взамен этого органа другой орган, чтобы он мог компенсировать потерю, которую понесла Организация в целом, организм в целом. Если парализована левая рука, то нужно усилить нагрузку правой руки.

Американское предложение требует, чтобы был создан новый орган, который выполнит работу, какую не может выполнять Совет Безопасности. Этот орган — межсессионный комитет. Значит, межсессионный комитет — это есть орган, который будет выполнять ту работу, которую не выполняет Совет Безопасности. Вот американский закон компенсации. Это означает поставить межсессионный комитет на один уровень с Советом Безопасности. Это значит, что межсессионный комитет должен заменить собой Совет Безопасности. Всем известно, — и это записано в статье 7 Устава, — что Совет Безопасности является главным органом Организации Объединенных Наций. Как же можно в таком случае называть межсессионный комитет вспомогательным органом, если этот орган призывается для того, чтобы заменить собой главный орган и, следовательно, стать на место этого главного органа, то есть сам превращается в главный орган? Не ясно ли, что автор теории компенсации опроверг свои собственные доводы и соображения в пользу того, что межсессионный комитет — вспомогательный орган.

Говорят, что когда одна мастерская закрывается (такой пример был приведен в Комитете), то открывается другая мастерская. Что это означает? Это означает опять-таки, как утверждал г-н Эватт, который настойчиво следует в этом вопросе за г-ном Даллесом, хотя патент на изобретательство они могут разделить между собой поровну, что между Советом Безопасности и межсессионным комитетом нет соперничества. Это же утверждали и сэр Хартли Шоукросс и

некоторые другие делегаты, в том числе китайский делегат. Эти делегаты, поддерживая предложение США, пели в унисон, дудели в одну дудку, утверждая, что тут никакого соперничества нет. Они говорят: когда закрывается одна мастерская, то все идет в другую. Это означает, что в представлении г-на Эватта Совет Безопасности — уже закрывшаяся мастерская. Г-н Эватт, видимо, готов уже похоронить Совет Безопасности. Но если Совет Безопасности прекращает свое существование, превратившись в закрытую мастерскую, то, по его мнению, возникает необходимость открыть новую мастерскую.

И вот открывается новая «мастерская» в виде межсессионного комитета. Разве это не подтверждает, что межсессионный комитет — это орган, который создается взамен Совета Безопасности? Это пока аллегорическое рассуждение, но как обстоит дело фактически? Фактически дело обстоит, как я дальше постараюсь показать, таким образом, что те самые функции, которые должны принадлежать согласно этому проекту резолюции межсессионному комитету, разумеется, не могут идти ни в какое сравнение с теми скромными функциями, которыми обыкновенно наделяются комитеты и действительно вспомогательные органы.

И это, конечно, заметили некоторые делегаты, как, например, французский делегат. Г-н Пароди при рассмотрении этого вопроса в Первом комитете заявил⁴, что во всяком случае не может идти речь о расширении полномочий самой Ассамблеи или о делегировании Ассамблеей полномочий другому органу. Он заявил по этому поводу, что, по мнению французской делегации, любая из этих процедур основывалась бы на очень сомнительной законности. Он высказал сомнение в том, имеет ли вообще Ассамблея право делегировать свои полномочия подчиненному органу.

И эти сомнения совершенно законны. Выходит так, что Генеральная Ассамблея имеет право переносить свои права, указанные в статьях 11, 12, 13, 14 и т. д., на какой-то другой орган. Французский делегат справедливо усомнился в таком праве Ассамблеи. Такое усомнение совершенно законно, ибо когда Генеральная Ассамблея наделена какими-то правами, то она наделена ими по Уставу, и вместе с правами она обладает и определенными гарантиями, которых не может быть ни у какого вспомогательного органа, если это ему не предоставлено самим Уставом. И тем более естественно, что те исключительные полномочия, которые принадлежат Генеральной Ассамблее, она не может передавать кому-либо другому.

Скажем, какой-либо член Организации Объединенных Наций, например Советский Союз, решает обратиться к Генеральной Ассамблее с тем или другим предложением, например с предложением о том, чтобы принять меры против пропаганды и поджигателей новой войны. Но мы

⁴ См. документ A/C.1/SR.77.

обращаемся к Генеральной Ассамблее, а не к какому-то комитету, не предусмотренному даже Уставом. Генеральная же Ассамблея вместо того, чтобы нас выслушать, перепоручает это межсессионному комитету. Мы не на таких условиях вступали в Организацию Объединенных Наций, и ни одна уважающая себя держава не может согласиться с такими условиями пребывания в Организации Объединенных Наций, когда ее обращение к Генеральной Ассамблее может даже не выслушиваться Генеральной Ассамблеей, а передаваться просто в какой-то межсессионный комитет, которому будет поручено «разобраться и доложить». Мы здесь равноправные члены Организации и должны участвовать в принятии решения о том, будет ли тот или другой вопрос разрешен непосредственно Генеральной Ассамблеей или будет передан на предварительное обсуждение какому-нибудь комитету. Без нас в этом деле никто хозяйничать не имеет права. С иными порядками мы не можем согласиться и не согласимся, пока действует Устав Организации Объединенных Наций.

Вы хотите создать новый орган, не предусмотренный Уставом? В таком случае извольте действовать в соответствии с установленной Уставом процедурой внесения в Устав изменений. Поставьте вопрос о пересмотре Устава, введите новые правила. Тогда мы еще посмотрим, войдут ли эти новые правила в жизнь, будут ли они одобрены двумя третями большинства Генеральной Ассамблеи. Будут ли они ратифицированы большинством двух третей, включая совпадающие голоса пяти постоянных членов Совета Безопасности великих держав. Извольте обратиться к нормальному, легальному, конституционному пути для изменения Устава, если вы считаете нужным изменить этот Устав. Но вы не имеете права нарушать Устав, вводить новые правила рассмотрения, утверждения и т. д. разного рода предложений без того, чтобы не был соблюден Устав Организации Объединенных Наций, ибо мы — организация международная, где диктату места нет, где командованию места нет, где в основе должно лежать соглашение, добровольное исполнение решений. Уважение к этим принципам не может быть поколеблено даже решением большинства двух третей голосов.

Поэтому совершенно естественно и правильно заявил г-н Пароди в Первом комитете о том, что вся эта история сомнительна с точки зрения конституции Устава, с точки зрения обоснованности законом Организации Объединенных Наций. Мы не согласны с тем, что он так нерешительно говорил об этом. Но это, конечно, его дело. Я здесь не буду вдаваться в эту критику.

Высказанные в этом направлении мнения заслуживают внимания. Сторонники межсессионного комитета высказывались в том смысле, что создание межсессионного комитета даст возможность Генеральной Ассамблее продолжать работу вне своих сессий. В частности, этой мыслью, безусловно, руководствовался г-н Маршалл, когда он заявил в своем докладе 17 сентября, что

«создание межсессионного комитета сделает возможности Генеральной Ассамблеи постоянно доступными в течение этого следующего года для всех ее членов. Это укрепит аппарат для мирного разрешения споров и возложит в основном ответственность за такое разрешение на всех членов Организации Объединенных Наций».

Что это означает? Это означает попытку превратить межсессионный комитет во вторую Генеральную Ассамблею или, как уже говорят сейчас, в так называемую малую ассамблею. Все прекрасно знают, кто защищает межсессионный комитет, что создание межсессионного комитета преследует также ту цель, чтобы через этот комитет сделать заседания и работу Генеральной Ассамблеи перманентными, постоянными. Это пытаются достичь тем, что к Генеральной Ассамблее пристраивается новый орган, который под именем межсессионного комитета будет продолжать функционировать так, как функционирует сама Генеральная Ассамблея, конечно, с некоторыми ограничениями. Без всяких ограничений обойтись в этом деле нельзя. Это все равно, что явиться сюда в дезабиле. Я потом скажу, чего стоят эти ограничения. В действительности эти ограничения имеют очень мало цены.

Я пользуюсь случаем в двух словах ответить г-ну Даллесу на его заявление о том, что советская делегация считает рекомендации Генеральной Ассамблеи не имеющими значения. Советская делегация никогда этого не говорила. Нет, мы знаем, что рекомендации имеют свое значение. Но мы говорили о другом, о том, что те рекомендации, которые очень часто здесь выносятся в противоречии с принципами Организации, вопреки духу Устава, действительно не имеют под собой моральной силы. Можно привести в качестве примера рекомендации по греческому вопросу. Ведь мы в течение почти целого месяца доказывали, что нет никаких моральных оснований предъявлять обвинениям трем балканским странам — северным соседям Греции — в их так называемых преступлениях. Конечно, в прямой форме американской делегации эти обвинения не удалось провести, но в косвенной, завуалированной форме, при помощи французской и английской поправок, это ей в известной мере удалось сделать. Можно ли утверждать, что эти рекомендации могут иметь какую-либо моральную силу? Нет, нельзя, так как, действительно, этим рекомендациям нет никакого морального оправдания. Мы это утверждали при рассмотрении так называемого греческого вопроса. Мы будем и дальше утверждать перед всем миром, что эти рекомендации не имеют моральной силы, хотя они, конечно, имеют формальную силу.

Мы не говорим, что все рекомендации не имеют моральной силы. Наоборот, мы утверждали, что некоторые резолюции, как, например, резолюция против пропаганды войны, хотя она и отличается от проекта советской резолюции, все же имеет моральную силу. Как известно, эта резолюция воплотила идею советских предложений. Она была единодушно одобрена Ассамблеей. По-

сколько она содержит в себе основную идею советской делегации — убить пропаганду войны, несмотря на то, что американская делегация призвала убить советскую резолюцию, мы, несмотря на ее половинчатость, недостаточность и непоследовательность, голосовали за эту резолюцию и знаем, что она имеет моральную силу.

Г-ну Даллесу следовало бы со своими рассуждениями о моральной силе или ценности резолюций Генеральной Ассамблеи обратиться не ко мне и не к советской делегации, а раньше всего к самому себе, против которого также направлена эта резолюция, или обратиться к газетам, вроде «Нью-Йорк таймс», которая на следующий же день после принятия указанной резолюции не постеснялась заявить во всеулышание, что эта резолюция есть нарушение Устава, что она больше способствует возбуждению конфликтов, чем их ликвидации. Эта газета, таким образом, открыто призывает не выполнять резолюцию Генеральной Ассамблеи. Она, эта газета, — и одна ли только эта газета? — осудила резолюцию против поджигателей войны, открыто и недвусмысленно заявив о том, что эта резолюция лишена моральной ценности и значения.

Так что же вы, г-н Даллес, теперь валите с больной головы на здоровую? На каком же основании вы нам, советской делегации, приписываете, что мы якобы отрицаем моральную ценность всех резолюций и решений, которые принимаются Генеральной Ассамблеей? Это неправильно, это не то, что мы говорим. Г-н Даллес вообще любит полемизировать, приписывая противнику то, что он не говорил. Но мы утверждали и утверждаем, что есть резолюции, которые имеют моральную и формальную силу, а Генеральная Ассамблея — это такой международный инструмент, который больше всего заинтересован в том, чтобы иметь моральную силу, моральный авторитет. Поэтому мы и боремся за предложения, которые считаем правильными, и против предложений, которые считаем неправильными. Хотя мы останемся в меньшинстве, но меньшинство не всегда бывает неправо, ибо тот, кто сегодня в меньшинстве, завтра может быть в большинстве. И мы не сомневаемся, что если мы сегодня в меньшинстве, когда требуем, чтобы были реально обузданы поджигатели войны, то завтра будем в большинстве. Народы заставят принять реальные, а не бумажные меры против поджигателей новой войны.

Когда мы задали вопрос, почему план Маршалла не был передан на рассмотрение Генеральной Ассамблеи, г-н Даллес пытался упрекать нас в непоследовательности. Без сомнения, он опасался, что этот план будет отвергнут. Он утверждал, что мы якобы против того, чтобы Ассамблея обсуждала политические вопросы. Как может такой опытный юрист и опытный политический деятель, как г-н Даллес, говорить такой явный вздор.

Когда мы возражаем против рассмотрения на Ассамблее мирного договора с Италией, мы пра-

вы потому, что статья 107 Устава ООН не позволяет рассматривать мирные договоры, так как они должны рассматриваться в соответствии с порядком, предусмотренным Уставом, который вы сами подписали и который теперь нарушаете, предлагая рассматривать мирный договор с Италией, когда еще не просохли чернила в вашей подписи под Уставом. Когда вы предлагаете включить в повестку дня вопрос о Корее, мы говорим, что вы нарушаете взятые на себя обязательства, ибо определен совсем другой порядок рассмотрения этого вопроса.

Разве делегация СССР когда-либо заявляла, что политические вопросы не должны передаваться на рассмотрение Генеральной Ассамблеи? Когда это было и кто делал такие заявления? Зачем в пылу полемики вы ставите воображаемые мишени и палите в них из всех своих орудий, которые не являются орудиями крупного калибра, но которые вы иногда в своих аргументах пускаете в ход как артиллерию. Никто из нас не защищал подобный тезис. Дело в том, что у нас имеется Устав, который гласит, что все эти вопросы, в том числе политические, экономические и другие, могут обсуждаться и должны обсуждаться. Но когда мы заявляем, что вы боитесь Генеральной Ассамблеи, ибо опасаетесь, что ваш план экономической «помощи» и «восстановления» Европы жалко провалится, мы готовы подтвердить это фактами.

Вы считаете, что ваш план следует осуществлять вне рамок Организации Объединенных Наций. Вы не дали никому на этот счет предварительной информации. Вы не дали ее даже государствам, которые более или менее близки к вам, как, например, Франция. Я не уверен, что вы сами хорошо знаете, в чем состоит этот план.

Поэтому мы правы, когда говорим, что мы вполне последовательны в этом вопросе. Все вопросы, предусмотренные Уставом, особенно вопросы экономического сотрудничества в интересах мира и безопасности, относятся к компетенции Генеральной Ассамблеи, и вам следовало бы ставить их в первую очередь. Вопрос о пересмотре итальянского договора никакого отношения к Организации Объединенных Наций не имеет, ибо в самом Уставе Организации Объединенных Наций предусмотрен другой порядок рассмотрения таких вопросов. Кроме того, нельзя передать этот вопрос на рассмотрение государств, многие из которых никакого отношения не имели к войне с Италией и к заключению с ней мирного договора. Другое дело — экономические вопросы, связанные с проблемами, относящимися к компетенции Организации Объединенных Наций. Такие вопросы американская делегация обязана была внести на рассмотрение Генеральной Ассамблеи, но этого-то как раз и не было сделано, например, в отношении плана Маршалла.

Представитель США нам говорил здесь о «мощной силе морального и умственного убеждения». Он говорил, что якобы в Организации Объединенных Наций нет никакого механическо-

го голосования. Но давайте все-таки говорить откровенно. Ну разве мы не помним всю эту историю с выборами Украинской республики в Совет Безопасности, которая только сегодня, после 12 безрезультатных туров, оказалась все же избранной? Но почему же Украина 12 раз голосовала и не могла быть избранной? Что изменилось с тех пор? Почему же вы играли такую игру? И после этого нам говорят, что нет автоматического голосования. Нет, оно есть. Имеется много фактов, которые способны доказать перед всем миром, что автоматизм, дипломатический сговор в ряде случаев существует. Это автоматическое большинство налицо. В ряде случаев мы не видели здесь ни морального, ни умственного убеждения. Нам говорят: позвольте, какой же это автоматизм голосования, когда сплошь и рядом резолюции, внесенные первоначально, заменяются другими. Но, во-первых, известно, что это также своего рода дипломатический маневр, когда вносится одна резолюция, чтобы произвести определенное давление, а потом путем уступок дойти до своего настоящего требования. Так было с резолюцией по греческому вопросу, когда внесли одну грозную резолюцию, а потом приняли другую, которую внесли свои же люди по предварительному уговору. Это и есть кулурная дипломатия.

Я должен перейти к замечаниям сэра Хартли Шоукросса в Первом комитете. Он старался доказать, что межсессионный комитет — это действительно вспомогательный орган и что здесь нет решительно никаких нарушений Устава. То, что он ссылался на ту же 22 статью Устава, никого ни в чем не убеждает, потому что простое повторение текста 22 статьи вовсе не есть еще доказательство. Но нам говорят: Генеральная Ассамблея создает комитеты и комиссии, например Специальную комиссию по вопросам Палестины. Почему же она не может создать межсессионный комитет? Я уже говорил по этому поводу и еще раз скажу, что эта комиссия была создана в совершенно ином порядке. Специальная комиссия была создана в силу просьбы, с которой правительство Соединенного Королевства обратилось к Генеральному Секретарю ООН, чтобы поставить этот вопрос на повестку дня Ассамблеи, так как дальше пользоваться мандатом на Палестину англичане не намерены. Статья 10 Устава предусматривает такого рода возможность. Генеральный Секретарь поставил этот вопрос на рассмотрение специальной сессии, созванной по этому поводу. Эта сессия определила положение и в рамках Устава и в соответствии с ним приняла соответствующую рекомендацию. Но разве это то, о чем говорит статья 34 Устава? Разве это расследование ситуации и споров, которые предусмотрены этой статьей? Конечно, нет, ничего похожего на статью 34 нет.

Говорят, что Ассамблея имеет право назначать всякие комиссии по расследованию. Такое утверждение мы считаем неправильным. Ассамблея имеет право назначать комиссии по исследованию, а вовсе не по расследованию. Поэтому в

Уставе применены даже разные слова — «study» и «investigate». На эту разницу обратил внимание в Первом комитете сэр Хартли Шоукросс, когда он говорил⁵, что он представляет себе, что вопросы по исследованию, передаваемые межсессионному комитету, будут носить академический характер, как, например, вопрос о том, что такое агрессия и т. д. Но ведь, когда мы говорим о расследовании в смысле статьи 34 Устава, мы имеем в виду расследование инцидентов, фактов, столкновений, споров, возникших в силу общих условий и которые способны угрожать миру и безопасности.

А что сказано в этой резолюции (документ A/454)? Разве не сказано, что этот межсессионный комитет уполномочен проводить расследования и назначать для этого комиссии, поскольку он находит это целесообразным и необходимым? По каким вопросам? Да этот вопрос — по каким вопросам идет речь — даже не поставлен в резолюции потому, что в том же проекте резолюции в пункте 2 *b* говорится, что этот комитет имеет право рассматривать любые вопросы, то есть рассматривать представленные в Генеральную Ассамблею вопросы, касающиеся любого спора, любой ситуации, которые в силу пункта 2 статьи 11, статей 14 и 35 Устава переданы для внесения в повестку дня Генеральной Ассамблеи тем или другим членом Организации Объединенных Наций. Если вы обратитесь к статье 34, то увидите, что Совет Безопасности способен или может рассматривать только те вопросы, которые могут привести к международным трениям или вызвать спор. Это весьма существенное ограничение. Он может произвести расследование лишь для того, чтобы определить, может ли данный спор или ситуация угрожать международному миру и безопасности. Это второе существенное ограничение.

Вы видите, как ограничены функции Совета Безопасности. Поставьте рядом с этими функциями функции, которые изложены в пункте 2 *b* и *e*, и посмотрите, чьи же функции шире, какие функции шире — те, которые предоставлены Совету Безопасности по расследованию ситуаций и споров, в соответствии со статьей 34 Устава, или те функции, которые предоставляются сейчас межсессионному комитету пунктами 2 *b* или 2 *e*, или лучше сказать, в их совокупности?

Ну, господа, если вы ослеплены тенденцией и предвзятостью, желая во что бы то ни стало доказать, что это белое, а не черное, или что это зеленое, а не коричневое, то тогда у нас нет общего языка. Мы не сможем договориться. Но если вы свободны от предвзятости и можете, как юристы или даже как простые школяры из юридической школы сравнить эти тексты, вы увидите, что они отличаются один от другого, как Эйфелева башня отлична от какой-нибудь простой мачты. Вот почему мы говорим, что нельзя согласиться с учреждением комитета с такими функциями, в корне изменяющими структуру Орга-

⁵ См. документ A/C.1/SR.77.

низации. То, что вы покропите его святой водой и скажете, что это вспомогательный орган — это ничего не изменяет. Есть много охотников называть вещи не собственными именами, чтобы легче и лучше протолкнуть свою вещь потребителю. Мы держимся другого мнения. Мы видим, что эти статьи придают межсессионному комитету столь важное значение, что называть его вспомогательным органом — это не только значит отойти от понятия о том, что такое вспомогательный орган, но значит вступить в противоречие с принятым определением. Мы, советская делегация, с этим согласиться не можем.

Я хотел бы напомнить, что эта история с межсессионным комитетом имеет уже свое прошлое. Известно, что вопрос о межсессионном комитете возник не сегодня, и сами американские делегаты не оспаривают первенство в этом деле Голландии, которая еще в декабре 1945 года внесла предложение создать такой комитет из 18 членов с функциями, которые были гораздо более скромными, чем те, которые сейчас предлагают ему придать. Здесь те же самые формулировки, даже то же название — межсессионный комитет. Через два года американские эксперты взяли название из голландского документа и добавили к нему слова «по вопросам мира и безопасности», что оказалось не очень удачным. Но тогда голландская делегация просила вовсе снять этот вопрос с рассмотрения, потому что все делегаты указывали, что создание такого органа прямо затрагивает прерогативы Совета Безопасности.

Почему же тогда все единодушно признавали, что учреждение межсессионного органа затронет функции Совета Безопасности, а сейчас это пробуют отрицать? Разве функции стали другими? Или, может быть, функции, которые вы сейчас придаете этому комитету, являются более скромными, чем те, которые хотели придать ему голландцы, когда они в декабре 1945 года вносили это предложение на рассмотрение исполнительного комитета подготовительной комиссии? Конечно, нет. Тогда функции были гораздо скромнее, и тем не менее всеми членами подготовительной комиссии было признано, что учреждение межсессионного комитета явится нарушением Устава. А почему теперь, когда предлагается учредить комитет с более ответственными и важными функциями, отрицают, что это нарушает прерогативы Совета Безопасности? В чем дело? Или мы изменились, или что-либо изменилось вокруг нас?

Да, господа, многое изменилось вокруг нас, да и многие изменились из нас. Эти изменения произошли в международном положении разных стран и во внешней политике, которую некоторые страны теперь решаются проводить, не считаясь с другими странами и не считаясь с принципом согласованных действий, который был заложен в Ялте, Тегеране и Потсдаме и который был подтвержден в Думбартон-Оксе и в Сан-Франциско, принцип, который записан в нашем Уставе, за который мы стоим и требуем, чтобы стояли все, кто желает и дальше работать вместе с Органи-

зацией. Все это теперь подвергается ревизии. Даже больше. Это теперь вывозится на свалку, в мусорную яму истории.

Голландская делегация сама попросила два года тому назад снять этот вопрос, убедившись, очевидно, что внесенное ею предложение действительно нарушает прерогативы Совета Безопасности, и он был снят. Но когда изменились обстоятельства, тогда вытаскивается из архива этот запыленный инструмент. Его быстро реставрируют, модернизируют, немного видоизменяют, хотя все принципиальное остается тем же, и выносят сюда и предлагают Ассамблее принять, как панацею от такого несчастья, как принцип единогласия, как вето. В то время межсессионному комитету голландская делегация отводила малую роль, скромную роль; сам состав его ограничился 18 членами, сейчас проектируется состав комитета в 57 членов.

Нам говорят — он не решает, он только рекомендует. А что же решает Генеральная Ассамблея? Разве она тоже, главным образом, не рекомендует? Она рекомендует разным учреждениям; межсессионный комитет рекомендует Генеральной Ассамблее, чтобы вместе с ней рекомендовать разным учреждениям. Это ничего по существу не меняет. Но тем не менее тогда, в 1945 году, это было отвергнуто. Теперь, наоборот, это воспринимается как необходимое, как важное, воспринимается, конечно, не случайно, воспринимается именно потому, что сейчас это отвечает требованиям времени, то есть отвечает тем интересам внешней политики, тому курсу внешней политики, который проводится некоторыми государствами, и в первую очередь Соединенными Штатами Америки и поддерживающими их государствами — Великобританией, Францией, Китаем.

Что же это за внешняя политика? Это та внешняя политика, которая предлагает действовать не методами соглашения, а методами давления, методами использования своей финансовой мощи, кстати, вопреки тому правилу, которое требует, чтобы никакая экономическая помощь не использовалась в политических целях. При такой внешней политике предпочитают действовать методами диктата, давления, использования своей экономической и финансовой мощи, своих организационно-технических преимуществ и военного превосходства по отношению к другим странам, более слабым и менее стойким в сопротивлении иностранному давлению. Вот почему государства, проводящие такую внешнюю политику, не только не стремятся к укреплению Организации Объединенных Наций, которая является органом международного сотрудничества, но не прочь ослабить эту организацию, ибо при известных обстоятельствах она может оказаться помехой в проведении планов диктата и экспансии. Этим странам Организация Объединенных Наций, действительно, служит препятствием и помехой, и это особенно нужно сказать о таких органах, как именно Совет Безопасности, который, в силу действующих в Совете Безопасности правил про-

цедуры и принципа единогласия пяти постоянных членов — великих держав, не превратился еще до сих пор и, пока будет действовать это правило, не превратится в простую контору государственного департамента США.

Идея международного сотрудничества при таком положении отходит на второй план, все более тускнеет и блекнет. Новый курс внешней политики, провозглашенный США, идет в направлении отказа от этой идеи. Некоторые американские политические деятели откровенно говорят, что международное сотрудничество было необходимо во время войны, когда нужно было дать отпор опасному врагу, но в мирное время, когда эта опасность непосредственно не угрожает, нет необходимости в таком сотрудничестве, которое требует взаимных уступок, уважения взаимных интересов, требует ограничения своих эгоистических поползновений.

Видные вдохновители американской внешней политики, вроде г-на Даллеса, открыто призывают отказаться от «системы Тегерана, Ялты, Потсдама». На заседании Первого комитета г-н Даллес заявил: «В Москве государственный секретарь Маршалл заявил: "Отступления к Ялте не будет". Это заявление, — говорил Даллес, — продолжает быть действительным, и я знаю, что я выражаю точку зрения подавляющего большинства населения Соединенных Штатов, когда я говорю, что мы не отступим к системе Тегерана, Ялты и Потсдама, которая могла быть и, конечно была вызвана военной необходимостью; однако во время мира мы хотим исследовать до конца принцип справедливости и законности и оказать воздействие на эти проблемы использованием морального приговора мирового общества через посредство этой важнейшей Ассамблеи Организации Объединенных Наций»⁶.

В этой цитате я считаю необходимым подчеркнуть, как самое одиозное, призыв к тому, чтобы не возвращаться к системе Тегерана, Ялты, Потсдама. Г-н Даллес пытался разъяснить это свое скандальное заявление, направленное на подрыв международного сотрудничества и изобличающее агрессивные настроения автора, заявив, что сказанные им слова означают лишь то, что руководители американской внешней политики — против тех тайных соглашений, которые были заключены в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Но это — лицемерное заявление, потому что всем известно, что США нисколько не отказываются от тайных соглашений и сейчас, что такие соглашения готовятся и вынашиваются за спиной и в обход Организации Объединенных Наций. В связи с этим я должен опять сослаться на доктрину Трумэна, план Маршалла или англо-американские соглашения по поводу Германии и т. д. Разве это не соглашения, подготовленные в результате тайных переговоров, к которым впоследствии приобщилась Франция, поскольку она оказалась прижатой к стене своими более сильными партнерами?

⁶ См. документ A/C.1/SR.78.

По сравнению с временами Ялты, Тегерана и Потсдама дело в этом отношении изменилось только в том, что, вместо соглашений между тремя великими державами — США, Великобританией и СССР — первые две державы предпочитают за последние годы после окончания войны договариваться между собой, пытаясь поставить СССР перед фактом.

«Не будет возврата к Тегерану, Ялте, Потсдаму» — это лозунг отказа от международного сотрудничества, потому что именно в Тегеране, Ялте, Потсдаме были достигнуты всемирно-исторические образцы того, как нужно сотрудничать в самые тяжелые годы, когда на человечество обрушилась самая тяжелая война, какую оно когда-либо знало.

Когда создавалась Организация Объединенных Наций, умами подавляющего большинства государств владела идея найти форму международного сотрудничества, которая избавила бы человечество от всех тягчайших последствий и ужасов, которые периодически падали на его голову в прошлом. Тогда был найден путь. Это, раньше всего, установление в Совете Безопасности того самого правила единогласия, инициатором которого явилось, как известно, американское правительство и, в частности, покойный президент Рузвельт. Ведь, в самом деле, в документе, который был представлен руководителем американского правительства в Ялте руководителям Великобритании и Советского Союза, указывалось на два важных элемента в вопросе о правиле единогласия в Совете Безопасности. «Первый заключается в том, — говорилось в этом заявлении, — что для сохранения всеобщего мира необходимо единогласие среди постоянных членов. Второй состоит в том, что для народа Соединенных Штатов исключительно важно, чтобы была предусмотрена справедливость для всех членов Организации. Примирить эти два главных элемента — наша задача. И мы считаем, что предложения, представленные маршалу Сталину и премьер-министру Черчиллю 5 декабря 1944 года, дают разумное и справедливое решение и удовлетворительно комбинируют эти два главных соображения».

Так писал тогдашний президент США Рузвельт. А разве заявление, сделанное через четыре месяца после этого в Сан-Франциско от имени четырех приглашающих делегаций, также не подчеркивало, что этот принцип является основой всей Организации Объединенных Наций? Я просто приглашу вас вспомнить, возобновить в своей памяти эти исторические документы для того, чтобы со всей ясностью встало перед вами все то великое значение для жизнеспособности и дееспособности такой международной организации, как Организация Объединенных Наций, принципа единогласия, который является основой деятельности Совета Безопасности, против которого сейчас учреждением межсессионного комитета направляются главные удары так же, как и против принципа единогласия. Тогда государ-

ственный секретарь США Стеттиниус рассуждал иначе, чем теперешний государственный секретарь США Маршалл. Тогдашнее правительство говорило, возражая на критику принципа единогласия, что эта критика возникает потому, что забывают, что «Объединенные Нации не федерация, не мировое государство и что процедура голосования суверенных членов-наций не может рассматриваться на той же базе, как процедура голосования в парламентах штатов или конгрессе». Тогда американское правительство устами исполняющего обязанности государственного секретаря Джозефа Грю утверждало, что правила процедуры голосования в Совете Безопасности, принятые в Сан-Франциско как часть предложения в Думбартон-Оксе, представляют собой основу для международной организации. Тогда правительство США считало, что в этих правилах голосования нет ничего, что могло бы помешать любому государству представить вниманию Совета Безопасности любой спор или любое положение, которое это государство считает способным привести к международным трениям или возбудить спор.

Так здраво смотрели тогда реалистические руководители США на вопрос о Совете Безопасности и на так называемое вето, отдавая должное установленной тогда системе международного сотрудничества. Тогдашние руководители внешней политики США видели необходимость в учреждении полномочного Совета Безопасности, опирающегося на принцип единогласия, сдерживающего противоречия и обеспечивающего согласованность действия, и в утверждении самого правила единогласия. Тогда не могли рассчитывать на успех проблемы так называемого межсессионного комитета.

Сегодня эта проблема возникла потому, что пришли другие времена. Новые времена, господа, говорят, — новые песни. Мы, Советский Союз, эти песни распевать не желаем. Мы не желаем петь песню, которая призывает к колебанию основ Организации Объединенных Наций. Мы считаем, наоборот, что мы должны направить все силы на то, чтобы укрепить авторитет Организации Объединенных Наций, придать ей наибольшую мощь, потому, что без этого будут повторяться уроки печальной памяти Лиги Наций. Но для этого недостаточно только одних тех средств, которые есть в ее распоряжении. Нужно, чтобы эта Организация обладала моральной силой, но для этого нужно раньше всего уважать ее Устав, уважать великие принципы, уважать договоренность, быть вместе в важнейших вопросах, ничего не предпринимая за спиной друг друга и против друг друга. На этой основе мы, Советский Союз, стоим и будем стоять.

Вот почему мы будем голосовать против учреждения межсессионного комитета, как опасного и незаконного акта, опасного потому, что он чреват тяжелыми последствиями для нашего единства и всего будущего Организации Объединенных Наций, незаконного потому, что он яв-

ляется нарушением Устава, под которым мы дали свою подпись и торжественно обещали его соблюдать. Мы настойчиво обращаемся ко всем членам Организации с призывом соблюдать Устав, не нарушать Устав, уважать его, уважать принципы Устава, уважать не только большинство, но и меньшинство, потому что в нашей Организации, строго говоря, нет большинства и меньшинства, а есть равноправные суверенные государства, которые должны вместе делать то важное дело, от которого зависят судьбы мира и безопасность народов.

Вот соображения, по которым мы, советская делегация, от имени Советского Союза заявляем, что мы не согласны с учреждением этого органа, как нарушающего Устав и его принципы и опасного и вредного для дела укрепления сотрудничества в Организации Объединенных Наций. Мы будем голосовать против этого постановления. Если вы его примете, — а можно думать, что вы его все-таки примете, поскольку его уже принял Первый комитет и у вас имеется сколоченное большинство, — Советский Союз участия в таком органе не примет.

Г-н Аранья покидает председательское место и его заменяет г-н Остин (Соединенные Штаты Америки).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Слово предоставляется представителю Австралии.

Г-н ЭВАТТ (Австралия) (говорит по-английски): Вопрос, который мы обсуждаем, уже рассматривался в Первом комитете, однако я согласен с г-ном Вышинским, что он имеет первостепенное значение, и считаю, что для престижа Генеральной Ассамблеи жизненно важно, чтобы на аргументы, адресованные Генеральной Ассамблее по этому случаю, ответили по мере своих сил те, кто считает, что на эти аргументы можно и должно ответить. В конце концов полномочия этого межсессионного комитета — это полномочия, цель которых оказать помощь Генеральной Ассамблее. Другими словами, это не полномочия, включающие право определять характер какого-либо спора или то, каким образом должна быть разрешена та или иная международная ситуация — речь идет не о таких полномочиях, — напротив, как говорит г-н Вышинский, это лишь полномочия давать рекомендации о том, в каком направлении должна будет действовать Генеральная Ассамблея следующего созыва.

Есть две точки зрения. В одной из них основное внимание уделяется положению Совета Безопасности, и это было сделано г-ном Вышинским. Другая точка зрения, которую Генеральная Ассамблея должна принять во внимание, касается функций Генеральной Ассамблеи и их эффективного осуществления.

В свете того, что сказал г-н Вышинский, можно подумать, что Совет Безопасности — это орган с исключительными и абсолютными полно-

мочиями, с монопольными полномочиями в отношении урегулирования международных споров. Однако это не так. Г-н Вышинский признал, что это не так. Я не буду вновь затруднять Генеральную Ассамблею ссылками на статьи Устава — на них ссылался г-н Вышинский. В статье 11 и статье 14 ясно говорится о том, что Генеральная Ассамблея обладает полномочиями в отношении международного мира и безопасности, и фактически ничто не изменится, если помимо того, что мы назовем этот комитет межсессионным комитетом, мы скажем, что он имеет определенные функции, включая функции, относящиеся к миру и безопасности. Поэтому какой смысл указывать на то, что наименование комитета, который ранее назывался «Межсессионный комитет по вопросам мира и безопасности», изменено, а слова «по вопросам мира и безопасности» опущены?

Совершенно ясно, как указывает г-н Вышинский, что в определенных вопросах функции Генеральной Ассамблеи, относящиеся к миру и безопасности, должны осуществляться этим межсессионным комитетом, являющимся вспомогательным органом Генеральной Ассамблеи следующего созыва. Что из этого? Что в этом плохого? Разве этот факт как-либо скрывался? Какой смысл ссылаться на предложение Нидерландов, которое было внесено два года тому назад, — не в Сан-Франциско, а в Лондоне — о создании комитета, подобного этому? Что из этого следует?

Положение таково. В то время никто не был свидетелем деятельности Совета Безопасности в области мирного урегулирования споров. Малые и средние страны думали, что дела в Совете Безопасности не будут постоянно откладываться, в результате чего после недель или даже месяцев обсуждения и расследования так и не достигается никакого решения.

Я, вслед за г-ном Вышинским, прибегну к метафоре. Ссылки на пословицы и метафоры не всегда помогают при логическом обсуждении, однако я хочу вернуться к метафоре, которую использовал в Первом комитете. Имеются две страны — участники спора, а этот спор порождает международные трения. Прежде всего, вопрос поступает в Совет Безопасности. Затем вы обнаруживаете, что вместо успешной процедуры мирного урегулирования, вместо какого-то решения, согласованного Советом Безопасности при единогласии постоянных членов, ничего не сделано. Вы обнаруживаете, что было применено право вето и не предложено никакого решения. Что должны делать эти страны?

Конечно, может случиться, что этот спор автоматически уладится, однако что должны делать эти страны, если он не уладится? Перед вами положение, которое усугублено отсрочкой и, возможно, нападками одной стороны на другую в Совете Безопасности во время открытых заседаний. Куда эти страны могут обратиться? Совет Безопасности не помог им; никакого решения

не было предложено; в этом вопросе у постоянных членов отсутствует единогласие. Они обращаются к органу, который имеет полномочия, совпадающие с полномочиями Совета Безопасности в отношении мира и безопасности, поскольку это касается примирения или мирного урегулирования. Таким органом является Генеральная Ассамблея.

С практической точки зрения эту проблему можно рассматривать двояко. Может случиться, что Генеральная Ассамблея должна вот-вот собраться на ежегодную сессию. Так было в случае со спором между Грецией и ее северными соседями на Балканах. В подобных случаях Генеральная Ассамблея может рассматривать такой спор. Однако предположим, что дело обстоит иначе. Почему член Генеральной Ассамблеи не может поставить вопрос об определенной ситуации или споре перед Генеральной Ассамблеей, с тем чтобы этот вопрос был рассмотрен до следующей очередной сессии? Только и всего.

Можно было бы подумать, что это какой-то тайный план для уничтожения Совета Безопасности. Однако наличие межсессионного комитета не может повлиять на осуществление юрисдикции Совета Безопасности. Если каким-либо вопросом занимается Совет Безопасности, то межсессионный комитет не может его рассматривать; он не может даже касаться его; он не может производить расследование; он совершенно не может вникать в него. Даже если Совет Безопасности не занимается этим вопросом, межсессионный комитет должен принять решение большинством в две трети голосов, прежде чем вообще будет иметь право обратить внимание на этот вопрос. Кроме того, он делает это в порядке подготовки, чтобы помочь следующей сессии Генеральной Ассамблеи.

Какой смысл давать определение вспомогательному органу, который не обладает такими функциями? Никаких решений, никаких полномочий принимать решения — таково положение, в котором находится межсессионный комитет. Он уполномочен изучать ситуацию, имеет очень ограниченные полномочия в отношении расследования, так как эти полномочия не могут быть осуществлены без согласия страны, которой это касается, и, далее, он представляет доклад следующей сессии Генеральной Ассамблеи.

Таковы точки зрения, изложенные перед Генеральной Ассамблеей, которые, смею утверждать, являются крайностями и не вытекают из Устава. Со своей стороны я решительно возражаю и серьезно протестую против обвинения, что это предложение влечет за собой какое-либо нарушение Устава. Если нельзя доказать нарушения Устава, то вы не докажете этого, лишь говоря о вопиющем нарушении Устава. Вы должны показать, в чем именно нарушен Устав.

Почему Генеральная Ассамблея не может создать такой вспомогательный орган, какой она считает необходимым? Г-н Вышинский спраши-

вает: «Что такое полномочия на проведение исследований?» Правда, о полномочиях проводить исследования прямо не говорится, однако между двумя пунктами, на которые он ссылается, нет никакого противоречия. В одном из них Совет Безопасности уполномочивается осуществлять исследование, а в другом — это статья 13 — говорится о Генеральной Ассамблее. Что в ней говорится? Статья гласит следующее: «Генеральная Ассамблея организует исследования...» для определенных целей. Такова ее обязанность, которая не имеет ничего общего с ее полномочиями. Она обязана делать это. Между данной статьей и статьей 34 нет никакого противоречия. Эта мысль не замаскировывается и не скрывается.

Мое единственное опасение — это опасение, которое я высказал в Первом комитете. Орган такого рода, который не может оказывать влияние на положение Совета Безопасности и не может влиять на порядок голосования в Совете Безопасности, если только он не будет полностью использован в том смысле, что все делегации будут принимать участие в его заседаниях, может поколебать престиж Генеральной Ассамблеи.

Я ревностно отношусь к престижу Генеральной Ассамблеи, так же ревностно, как г-н Вышинский, возможно, относится к престижу Совета Безопасности.

Когда вырабатывался Устав в Сан-Франциско, многие представленные там страны ожесточенно боролись за то, чтобы Генеральная Ассамблея получила широкие полномочия в отношении рекомендаций и обсуждения. Я опасюсь лишь, что комитет такого рода начнет осуществлять свои функции и не достигнет успеха с точки зрения Генеральной Ассамблеи. Под этим я подразумеваю, что работа должна производиться преданно, честно и постоянно. Для того чтобы межсессионный комитет оказывал действительную помощь и содействие следующей сессии Генеральной Ассамблеи, в его работе не должно быть никаких упущений. Поэтому делегации, поддерживающие это предложение, обязаны помочь работе межсессионного комитета. Я считаю, что он не является органом, который каким-либо образом затрагивает существующие функции Совета Безопасности.

Г-н Вышинский, который так часто прибегает к метафорам и пословицам, называет это попыткой создать новый главный орган Организации Объединенных Наций. Ничего подобного. Никто не утверждает, что Совет Безопасности не в состоянии осуществлять свои функции. Однако известно, что в определенных случаях Совет Безопасности не выполнил своих функций, заключающихся в том, чтобы найти решения. И в таких случаях нельзя мешать или препятствовать заинтересованным странам и этим отрицать их права. Им должна быть предоставлена возможность рассмотрения их вопроса в межсессионном комитете до следующей сессии Генеральной Ассамблеи.

Я считаю, что было бы пагубным рассматривать этот вопрос как состязание между Соединенными Штатами и СССР. Думаю, что это совершенно не так. Все содержание этого предложения основывается на принятом в Сан-Франциско решении придать Генеральной Ассамблее более широкие полномочия в отношении споров и ситуаций, чем те, которые содержались в Уставе, выработанном в Думбартон-Оксе. Как это затрагивает решения великих держав, принятые в Ялте, в Тегеране и в других местах? Никак. Их позиции не наносятся никакого ущерба. Это ведет лишь к логическому и справедливому претворению в жизнь предложения, которое поможет Генеральной Ассамблее в осуществлении ее функций.

При обсуждении этого вопроса г-н Вышинский рассматривал его в широком аспекте. Он упомянул об автоматическом большинстве в Генеральной Ассамблее. Я полагаю, что он не был справедливым или точным в изложении этого вопроса. Отвечая г-ну Даллесу, он долго разъяснял, что признает моральную силу решений Генеральной Ассамблеи. Уж он-то не будет это оспаривать. Мы согласны с этим. Однако каким именно решениям Генеральной Ассамблеи присуща моральная сила? Разве это только решения, которые одобряет СССР? Разве все они не являются решениями Генеральной Ассамблеи? В греческом вопросе г-н Вышинский осуждает Генеральную Ассамблею за принятое ею решение. СССР изложил свою точку зрения по этому вопросу, которая не совпадает с рекомендациями Комиссии по расследованию. Кто назначал Комиссию по расследованию? Совет Безопасности, а не Генеральная Ассамблея. Очевидно, это решение следует осудить, так как оно было неудовлетворительным для СССР. Однако, когда речь идет о другой стране, которая здесь призвана к ответу потому, что она не осуществила некоторых обязательств в отношении опеки, тогда, конечно, такое решение Генеральной Ассамблеи имеет моральную силу, потому что это решение СССР одобряет.

Моральная сила присуща решениям Генеральной Ассамблеи, потому что это — место встречи наций мира, представленных в Организации Объединенных Наций. Нельзя выхватывать решение на выбор и говорить: да, это хорошее решение, или говорить: это решение против пропаганды войны, и мы за него. Оно могло бы быть более сильным, но оно хорошее.

Я считаю, что престиж Генеральной Ассамблеи и, в конечном счете, успех Организации Объединенных Наций зависит от признания того факта, что решения Генеральной Ассамблеи должны пользоваться высоким авторитетом, и что для того, чтобы они могли соблюдаться, все государства-члены должны относиться к ним с лояльным и дружественным вниманием. Нельзя делать исключений, потому что какое-то решение не нравится. В соответствии со старой монгольской пословицей, на собрания можно при-

носить свое, но иногда приходится проглотить и чужое.

Почему некоторые решения выбираются для осуждения и утверждается, что они противоречат Уставу? Я никогда не мог согласиться с тем, что они противоречат Уставу. Я не вижу нарушения ни одного из положений Устава. На днях, когда Генеральный прокурор Соединенного Королевства спросил г-на Вышинского, согласится ли он, если имеются какие-либо сомнения юридического характера в этом вопросе, на то, чтобы он был решен величайшим судом в мире, судом, созданным Организацией Объединенных Наций — Международным Судом, избранным Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей и состоящим из выдающихся юристов многих стран, г-н Вышинский отмахнулся от этого предложения.

Ему отлично известно, что в правовых вопросах нельзя говорить о математической точности. Правовая наука не так точна, как математика. Поэтому существуют трибуналы для решения спорных вопросов и к этим трибуналам можно обратиться в трудных случаях. Я не считаю, что данный случай является трудным. Однако такой путь всегда открыт, и, по моему мнению, когда возникают сомнения, долг членов Организации Объединенных Наций состоит не в том, чтобы необдуманно и неоправданно нападать на членов Генеральной Ассамблеи, а в том, чтобы согласиться с мнением верховного суда Объединенных Наций для устранения всех сомнений.

Далее, г-н Вышинский говорил о механическом большинстве. Я отрицаю, что в Генеральной Ассамблее имеется механическое большинство. Это неверно. Какой смысл в этой связи ссылаться на Совет Безопасности и на кандидатуру Индии? Не такое уж это механическое большинство, если оно не могло обеспечить для кандидатуры Индии больше голосов, чем она получила. Вы можете назвать это механическим меньшинством, если вам так нравится, но это не механическое большинство.

Истина заключается в следующем. Ассамблея начала работу в самой неблагоприятной обстановке. На ранней стадии ее существования имели место нападки, которые, как казалось, должны были подорвать престиж Генеральной Ассамблеи и нанести почти непоправимый ущерб Организации Объединенных Наций. Однако постепенно, по мере того как проходили дни и недели, Генеральная Ассамблея вступила в борьбу с этими нападками и, по моему мнению, оказала большую услугу народам мира, которые значат больше, чем все правительства в мире. Я согласен со столь многим, из сказанного г-ном Вышинским о некоторых резолюциях, что не хочу больше повторяться.

Нельзя отбирать те резолюции, которые вам не нравятся, отказывать им в юридической силе и заявлять, что вы не будете их соблюдать. Я считаю, что это чрезвычайно серьезный вопрос.

В Уставе, в сущности, говорится о том, что члены Организации Объединенных Наций должны выполнять решения. Разумеется, это означает, что решения должны соответствовать Уставу. Если Устав нарушается, то решения, несомненно, не будут обязательными. Однако заявлять, как это заявляет представитель великой страны СССР, что, если Генеральная Ассамблея примет эту резолюцию, СССР не будет присутствовать на заседаниях комитета, — это значит, по моему, наносить серьезный удар по престижу не только Генеральной Ассамблеи, но и Организации Объединенных Наций, включая Совет Безопасности, потому что такой организации, как эта, необходимо содействие всех ее членов. Я считаю, что было бы трагичным, если бы межсессионный комитет оказался инструментом какой-либо державы или группы держав или если бы таким инструментом оказалась Ассамблея. С Генеральной Ассамблеей этого не произошло.

Я не собираюсь как-либо иллюстрировать это сейчас. Я совершенно умышленно заявляю, что, по моему мнению, перед Генеральной Ассамблеей постепенно вставали трудные проблемы подобного рода, включая данную проблему, и что она достигла того, что она считает справедливым решением. Это предложение поступило к нам несколько недель тому назад. Оно было изучено в комитете. Оно было принято преобладающим большинством голосов в Первом комитете. Оно не направлено против какой-либо державы или групп держав.

Я уверен, что говорю от имени почти всех делегаций, которые не разделяют мнения г-на Вышинского, когда я утверждаю, что это вполне искренняя попытка помочь Генеральной Ассамблее в осуществлении ее функций. Сюда входят функции, относящиеся к миру и безопасности. Это не требует поправки к Уставу. Г-н Вышинский говорит: если вы собираетесь исправлять Устав и учреждаете новый главный орган, тогда сначала исправьте Устав. Никаких поправок не требуется. Устав дает Генеральной Ассамблее полномочия учреждать вспомогательный орган такого рода. Именно это и было сделано. С начала и до конца я не вижу ничего, что каким-либо образом противоречило бы букве или духу нашего Устава.

Я полагаю, что независимо от того, что говорится на этом заседании, для хорошей работы Генеральной Ассамблеи полезно и необходимо, чтобы все государства-члены, особенно такие, как СССР, присутствовали на заседаниях, межсессионного комитета.

Однако в любом случае я не думаю, что деятельность Генеральной Ассамблеи должна тормозиться какими-либо угрозами или заявлениями, такими как заявление г-на Вышинского, который утверждает, что создание межсессионного комитета совершенно незаконно. Я не считаю, что нам должны мешать в осуществлении нашего долга.

Резолюция ясна. Ни в одной из ее частей нет ничего двусмысленного. Этот орган — вспомогательный. Он дополняет Генеральную Ассамблею. Он не может принимать решений. Он должен представлять доклады. Его полномочия в отношении расследований ограничены. Он не может проводить расследования ни в одной стране, которая против этого возражает. Это охраняет в большой степени — а некоторые даже могут считать, что в слишком большой степени — права национального суверенитета, которые всегда должны быть подчинены букве и духу самого Устава. Столь тщательно определенные функции — это функции, которые мы должны поручить межсессионному комитету с тем, чтобы на следующей сессии Генеральной Ассамблеи мы могли воспользоваться его докладами по любым вопросам, которые могут встать перед ним.

Я полагаю, что во время обсуждения греческого вопроса Генеральная Ассамблея не имела возможности полностью рассмотреть все его аспекты. Я знаю, что Комиссия по расследованию греческих пограничных инцидентов и сам Совет Безопасности рассмотрели этот вопрос полностью, однако Генеральная Ассамблея этого не сделала. Ей не была оказана помощь путем такого рассмотрения вопроса, которое межсессионный комитет подобного рода был бы обязан предложить. Я считаю поэтому, что межсессионный комитет будет способствовать улучшению нашей деятельности на следующей сессии Генеральной Ассамблеи и поможет нам в выполнении нашей задачи.

Поэтому я считаю, что решение, принятое таким подавляющим большинством голосов в Первом комитете, не направлено против какой-либо страны или группы стран. Целью этого решения — и я согласен с этим и подтверждаю это — является попытка дать возможность Генеральной Ассамблее осуществлять свои полномочия таким образом, как это предусмотрено Уставом. Оно направлено на то — и я согласен с этим и подтверждаю это, — чтобы дать возможность Генеральной Ассамблее разбирать международные споры и ситуации в тех случаях, когда Совет Безопасности потерпел полный провал и умыл руки в каком-то вопросе. Такие вопросы должны рассматриваться межсессионным органом, если он сочтет это уместным. С учетом этого, я смею утверждать, что положение совершенно ясно. Генеральная Ассамблея должна одобрить решение, принятое после тщательного обсуждения Первым комитетом, и должна отклонить аргументы представителя СССР.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Соединенного Королевства.

Сэр Хартли ШОУКРОСС (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Этот вопрос уже обсуждался в течение очень длительного времени в два приема в Первом комитете, и я не считаю, что г-н Вышинский при тех значительных физических усилиях, которые он только что

приложил, действительно внес что-либо новое в наше обсуждение. Он пользовался методом, с которым хорошо нас познакомил: выдвигал определенные аргументы, которые, как он понимает, могут быть опровергнуты, приписывал их совершенно без всяких оснований своим оппонентам, а потом переходил, к своему удовольствию, к их опровержению. В данном случае он приписал этому предложению некоторые совершенно несуществующие черты, а потом, к своему удовольствию, перешел к атаке на них. Это очень напоминает игру в кегли: он расставляет свои собственные старые диалектические кегли очень близко к линии, с которой он пускает шар, и затем начинает, к своему удовольствию, сбивать их. Я не уверен, что такая форма доказательства действительно очень способствует нашему изучению этого важного предложения.

Не думаю также, что аргументы приобретают большую силу и убедительность от простого повторения. Что касается меня, то мне лично было бы совершенно достаточно, если бы я мог выразить позицию моей делегации просто путем голосования. Однако ввиду уже сказанного, ввиду позиции, занятой другими делегациями, и ввиду большой важности этого вопроса, я должен сделать несколько замечаний, с тем чтобы позиция делегации Соединенного Королевства была совершенно ясна.

Мы поддерживали и поддерживаем это предложение лишь по той причине, что мы считаем, что это может способствовать повышению эффективности и полезности Организации Объединенных Наций в целом. Я был бы неискренен, если бы стал отрицать, что создание такого межсессионного комитета Генеральной Ассамблеи каким-то образом связано с опытом деятельности Совета Безопасности в течение последнего года и до этого. Разумеется, это связано с таким опытом. Это совершенно очевидно.

Если бы обсуждения в Совете Безопасности вместо создания атмосферы потерянности и разочарования открывали какой-либо путь и давали какую-нибудь надежду на то, что великие державы, несущие основную ответственность за сохранение мира и безопасности, предпринимают какие-то действительно совместные усилия в этом направлении, то никто не стал бы считать необходимым расширять аппарат Генеральной Ассамблеи. Однако правда — горькая, печальная правда — заключается в том, что в Совете Безопасности вместо согласия царит разлад, и лишь в одном случае (если его вообще можно назвать таким случаем) Совет Безопасности был в состоянии прийти к какому-либо эффективному решению, несмотря на серьезность и неотложность некоторых проблем, которые он должен был рассмотреть.

Я не собираюсь распределять вину за все это. Весьма вероятно, что вина лежит не только на одной стороне. Я не собираюсь исключать возможность, что моя собственная страна могла иногда ошибаться в отношении таких вопросов.

Однако сейчас мало пользы в том, чтобы исследовать то, что относится к прошлому. Очевидный факт состоит в том, что механизм Совета Безопасности показал свою непригодность к обстоятельствам на такой фазе мировой истории, когда пять великих держав больше не связаны тесно друг с другом в стремлении к единой цели.

Правда заключается в том, что, громко восхваляя принцип единогласия, Советский Союз постоянно и последовательно превращает его в пустой обман и горькую насмешку. Это привело к тому, что народы мира, разочарованные и огорченные бессилием Совета Безопасности, стали искать какой-либо способ, с помощью которого можно лучше и более эффективно использовать механизм самой Генеральной Ассамблеи не путем ограничения Совета Безопасности, не путем отрицания ни на одну секунду первостепенной и важной юрисдикции в вопросах мира и безопасности, которой обладает Совет Безопасности, а путем создания подчиненного механизма, способного быстро приводить в действие, и не за закрытыми дверями, такую дополнительную юрисдикцию в отношении мира и безопасности, которой уже, в соответствии с нашим Уставом, безусловно, обладает Генеральная Ассамблея.

Надеюсь, я говорил об этом откровенно. Основное значение данного предложения состоит, несомненно, в том, что в случае необходимости, и только в этом одном случае, и только тогда, когда Совет Безопасности по той или иной причине будет не в состоянии предпринять эффективные действия по какому-либо вопросу, затрагивающему мир и безопасность, следует иметь средства, с помощью которых подчиненный орган может немедленно предпринять открытое расследование подготовительного характера от имени самой Генеральной Ассамблеи.

Возникнет ли когда-либо такое положение — зависит в очень большой степени от самого Совета Безопасности. Я надеюсь, что со временем Совет Безопасности может стать более эффективным, чем в прошлом. Я надеюсь, что, возможно, перед Генеральной Ассамблеей не встанет необходимость самой заниматься вопросами, затрагивающими мир и безопасность, хотя в соответствии с Уставом она имеет право и, фактически, обязанность делать это.

При отсутствии эффективной деятельности со стороны Совета Безопасности в отношении этих вопросов Генеральная Ассамблея не может, разумеется, отказать от ответственности, возлагаемой на нее Уставом. Однако следует ли Генеральной Ассамблее брать на себя эти вопросы или нет, это дело, которое в весьма значительной степени находится в руках самого Совета Безопасности. Конечно, имеются другие вопросы, в связи с которыми этот комитет также может быть в высшей степени полезным. Мы не считаем, что было бы правильно, если бы Генеральная Ассамблея, с тем чтобы избежать рассмот-

рения вопросов, передавала в комитет те вопросы, которые уже стоят на нашей повестке дня и которые мы по той или иной причине можем считать неуместными для рассмотрения здесь

Конечно, такой комитет не предусматривается как средство, с помощью которого Генеральная Ассамблея может избежать обсуждения и принятия решения по вопросам, которые могут быть неуместными или сложными. Однако в нашей повестке дня могут быть вопросы — вопросы, которые мы рассматривали или будем рассматривать, — в отношении которых было бы желательным продолжать наблюдение после того, как наши делегации разъедутся, и какой-либо подчиненный постоянный орган Генеральной Ассамблеи, способный осуществлять такие функции, мог бы быть полезен.

Подобным же образом, совершенно очевидно, будут иметь место многие вопросы, представленные для включения в повестку дня предстоящих сессий Генеральной Ассамблеи, которые потребуют детального рассмотрения, детального изучения и подтверждения фактов, а также предварительного расследования, прежде чем сама Генеральная Ассамблея займется их рассмотрением.

Что касается вопросов подобного рода, то мы считаем, что такой предлагаемый комитет может осуществлять важнейшие функции и в значительной мере разгрузить нашу очень насыщенную повестку дня.

Поэтому, что касается существа этого предложения, мы убеждены, что этот комитет может и будет служить полезной дополнительной цели. Он должен, как минимум, значительно повысить эффективность существующего механизма, а как максимум возможность оказания помощи с его стороны Генеральной Ассамблее путем предварительного рассмотрения вопросов, затрагивающих мир и безопасность, путем привлечения внимания к ним общественного мнения, путем его формирования и выражения, мог бы помешать потенциальным агрессорам в их злобных намерениях, а в случае неудачи он мог бы, по крайней мере, объединить остальную часть мира против них.

Каковы же возражения? Примечательно, что возражения и критика, с которыми выступают, и выступают столь долго и столь громко, ни в коей мере не основываются на существе этого предложения. Вследствие интересного и любопытного совпадения та группа стран, которая неизменно соглашается с СССР и (я использую выражение г-на Вышинского) которая всегда поет в унисон с СССР, поистине, если мне будет позволено так выразиться, поет столь созвучно и в такой степени в унисон, что можно слышать лишь голос хозяина, которому вторит хор, — это как раз та группа, которая одна убеждена в том, что в отношении этого предложения что-то неправильно с юридической точки зрения. И поэтому они нападают не на его внутреннюю сущ-

ность, а на то толкование его конституционности и законности в соответствии с Уставом, которое я лично считаю абсолютно неправильным. Но я не собираюсь обсуждать здесь этот аспект.

Г-н Вышинский обратился к нам с весьма длинным выступлением, и я иногда задумывался: если он настолько прав, почему требуется так много времени для доказательства этого. Во всяком случае я не собираюсь отнимать время, обсуждая здесь этот вопрос. Это уже было сделано. Уже неоднократно указывалось, и с этим нельзя не согласиться, что Генеральная Ассамблея имеет полномочия в отношении определенных вопросов, касающихся мира и безопасности, полномочия, гораздо более узкие, это верно, чем полномочия Совета Безопасности, однако ее юрисдикция в определенной степени параллельна юрисдикции Совета Безопасности и совпадает с ней.

Пункт 2 статьи 11, статьи 14 и 35, а также положения статьи 22 относительно создания вспомогательных органов, как мы уже говорили, не являются и не должны являться мертвой буквой в нашем Уставе, и простому языку этих положений должны быть приданы некоторое значение и сила. Мы, разумеется, признаем, что, как указывал г-н Эватт, право и конституционная доктрина не являются точной наукой; это — вопрос мнения. Мы, члены делегации Соединенного Королевства, не хотели бы ставить наше мнение над мнением остальных делегаций. Возможно, наше мнение ошибочно. Возможно, оно имеет очень малую ценность, и, конечно, мы не можем претендовать на то, чтобы быть единственными арбитрами в отношении полномочий Генеральной Ассамблеи, к чему, очевидно, стремятся другие государства.

Вот наша искренняя точка зрения; однако мы должны руководствоваться и готовы руководствоваться в этом вопросе согласованным, коллективным мнением в отношении всего спора.

Все мы помним, что в прошлом году имел место случай, когда одно из государств оспаривало юрисдикцию Генеральной Ассамблеи в отношении определенного вопроса и заявляло, что некоторые действия, которые намеревалась предпринять Генеральная Ассамблея, выходят за определяемые Уставом рамки ее юрисдикции. Я имею в виду спор между Индией и Южно-Африканским Союзом.

Г-н Вышинский, выступая от имени СССР, сказал тогда, что полномочия Организации Объединенных Наций в соответствии с ее Уставом должны быть определены международным судом, но не тем, который мы называли «Международный Суд»; тем международным судом, продолжал он, который должен принять решение о полномочиях Генеральной Ассамблеи, является сама Генеральная Ассамблея. Надо сказать, что ни одно государство, включая даже СССР, который присваивает себе многие странные привилегии, не может говорить сегодня одно, а завтра другое по этим вопросам, не может одобрять, а затем

поричать, не может, когда это удобно, применять одно правило в отношении себя, и совершенно другое — в отношении других государств.

Если другие государства, такие как Южно-Африканский Союз, по упорному настоянию Советского Союза должны соглашаться с решением большинства этой Организации относительно толкования Устава, то сам СССР должен делать то же самое. Но, конечно же, именно это СССР еще не научился делать. По словам г-на Вышинского, резолюция Генеральной Ассамблеи, очевидно, имеет моральную силу. В каком случае? При условии, что СССР голосовал за эту резолюцию. И резолюция Генеральной Ассамблеи не имеет никакой моральной силы, независимо от того, каким большинством голосов она была принята, если против нее голосовал СССР. Таким образом, г-н Вышинский превращается в своего рода совесть мира и его заявления *ex cathedra* облечены в доктрину непогрешимости.

Когда я слушаю выступления г-на Вышинского, то иногда мне вспоминается реклама, посвященная известному периодическому изданию, — «Если это в «Джон Буле», то это так», — которую можно было увидеть в Соединенном Королевстве. Таково было рекламное объявление, и его можно перефразировать так: «Если г-н Вышинский говорит, что это так, то так это и должно быть». Таким образом г-н Вышинский нагромождает голословные и необоснованные утверждения одно на другое.

Однако, хотя г-н Вышинский хотел бы, чтобы мы считали, что любой тезис, выдвинутый СССР, должен быть принят и принят без какого-либо объективного или критического изучения, было бы мы позволили, чтобы наш Устав толковался и определялся простым диктатом СССР или какого-либо другого государства либо группы государств. Организация Объединенных Наций как единое целое должна толковать полномочия, предоставляемые ей Уставом. Государства должны следить за тем, чтобы не превышать своих полномочий и не использовать их не по назначению. Однако когда подавляющее большинство государств приходит к определенному заключению относительно полномочий нашей Организации, такое заключение должно быть принято.

В данном случае подавляющее большинство членов Первого комитета пришло к такому заключению, и оно было в состоянии прийти к правильному заключению по юридическому аспекту вопроса, приняв во внимание те юридические консультации, которые имели место. В том случае, когда, как и сейчас, значительное большинство членов Организации считают, что определенное предложение совместимо с нашим Уставом, одобряют такое предложение и принимают его, такому решению должны подчиниться все члены нашей Организации.

Что касается нас, мы совершенно не сомне-

ваемся в конституционности и законности этого предложения; однако мы добавили несколько слов. На днях я бросил вызов г-ну Вышинскому, вызов, который он тогда не был готов принять. Если г-н Вышинский все еще ставит под сомнение юридическую правомерность этого предложения и если он хочет воспользоваться советом главного органа, созданного в соответствии с нашим Уставом — Международного Суда, мы поддержим его в этом отношении.

Известно, что юридические вопросы часто вызывают сомнения. В муниципальных вопросах и в общенациональных делах мы создаем суды для разрешения таких сомнений. Аналогичным образом в Организации Объединенных Наций мы создали Международный Суд, с тем чтобы он, помимо всего прочего, беспристрастно и объективно консультировал нас в отношении толкования нашего Устава.

Естественно, консультации Суда не будут обязательными для всех нас, взятых вместе или в отдельности, в отношении этого конкретного вопроса, так как Генеральная Ассамблея как единое целое является единственным сувереном, поскольку это касается толкования ее собственных полномочий. Однако консультации Суда, несомненно, весьма авторитетны, и если бы мы их получили, мы все должны были бы очень серьезно считаться с ними.

Я не прошу СССР заранее согласиться с решением Суда, но утверждаю, и, по-видимому, со мной согласится большинство, что если СССР в какой-либо степени уверен, я повторяю — «если», в своем собственном толковании закона, если то, что он выдвигает, не является лишь чистой фикцией, то он не будет уклоняться от подкрепления своего мнения, обратившись к Суду за консультативным заключением. Хотя я и не прошу Советский Союз давать обязательство согласиться с таким заключением, я заявляю от имени моей делегации, что если такое заключение, в том случае, если оно будет дано, будет предполагать, что настоящее предложение является с какой-либо стороны неконституционным, мы немедленно пересмотрим целиком нашу позицию в этом отношении.

Делегация СССР, за которой в Комитете пассивно следовала и, я не сомневаюсь, будет пассивно следовать и здесь группа стран, которые всегда идут за ней, заявила, что она не будет участвовать в деятельности такого межсессионного комитета, даже если значительное большинство в Генеральной Ассамблее примет решение об его учреждении. Я надеюсь, что после некоторого обдумывания делегация СССР поймет, что такая позиция представляет собой одно из самых серьезных проявлений нелояльности в отношении нашей Организации.

Если государства будут разрешать себе и им будет разрешаться сотрудничать с Организацией в том случае, когда их это устраивает, и стоять в стороне или пытаться саботировать ее, когда

это не в их интересах, то деятельность этой Организации будет совершенно сорвана. В действительности у такого приема уже есть исторические прецеденты, и, следовательно, это вызывает еще большие сожаления. Мы не должны допустить, чтобы такие приемы привели к краху нашей Организации.

Я не собираюсь тратить время, вновь призывая СССР к сотрудничеству. Я и члены моей делегации сделали все, что могли, для того чтобы видоизменить это предложение таким образом, чтобы оно могло быть для него приемлемым. Мы защищали позицию, функции и престиж Совета Безопасности по всем возможным аспектам. Мы заявили, что мы были бы готовы рассмотреть любое предложение, которое СССР или примыкающие к нему делегации могли бы внести, с тем чтобы стало еще более ясным, если это только возможно, что это чисто подчиненный орган, чьи функции состоят в оказании помощи Генеральной Ассамблее; однако единственный ответ заключался в том, что меня назвали удавом. Я не буду упоминать о другом животном, большом русском медведе, который выпускает когти, порой будто бы для того, чтобы прижать другие страны к своему алчущему сердцу, но на самом деле, несомненно, лишь для того, чтобы дружески, любовно похлопать их. Давайте припишем этих забавных животных к какому-либо политическому зоопарку, где кто-нибудь сможет занять свое время, скармливая им идеологические булочки.

Давайте же, напротив, с обеих сторон — я говорю «с обеих сторон» — намеренно, потому что это курс, которым могут следовать обе стороны мы тоже можем просмотреть газетные подшивки, так же, как это сделали трудолюбивые и прилежные представители СССР, — разорвем старые подборки газетных вырезок и прекратим пережевывать безответственные заявления неавторитетных лиц, заявления, которые не оказали никакого влияния на события в то время, когда они были сделаны, и которые уже давно забыты и сохранились лишь в слоновой памяти представителей СССР. Давайте лучше смотреть в будущее. Давайте забудем о тех вопросах прошлого, которые не имеют сейчас никакого значения, и посмотрим, не можем ли мы лучше сотрудничать в будущем, стремясь к единой цели — к миру. Если мы в состоянии сделать это, то такой предлагаемый комитет не должен ни у кого из нас вызывать ни малейшей тревоги или опасения. Если, с другой стороны, мы не можем добиться этого, — а я отказываюсь верить, что это так, — однако если мы не можем следовать таким общим курсом, тогда такой комитет должен выполнять задачу, состоящую в том, чтобы информировать мировое общественное мнение о различных существующих курсах. В нашем совместном движении вперед и в возрождении доверия нам очень помогло бы, если бы наши советские коллеги заявили, что, как бы они ни возражали против этого предложения, как бы резко они ни стали выступать против него, когда оно будет,

как предполагается, вновь поставлено на обсуждение на следующей сессии Ассамблеи, они лояльно согласятся с решением большинства этого органа и будут прилагать все усилия для претворения в жизнь этого предложения на благо всех членов нашей Организации в целом.

Однако, независимо от того, согласятся они с этим или нет, готовы ли они утвердиться здесь как лояльные члены Организации или они предпочитают бросить Организации вызов, мы, оставшиеся, должны спокойно идти вперед и претворять в жизнь предложения, которые, по нашему убеждению, заслуживают одобрения и будут способствовать усилению эффективности нашей Организации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Никарагуа.

Г-н СЕВИЛЬЯ-САКАСА (Никарагуа) (*говорит по-английски*): Логично, чтобы голос малых стран также звучал, когда мы обсуждаем проект резолюции, который имеет огромное значение и, несомненно, представляет собой одно из самых многообещающих предложений, внесенных на данной сессии Генеральной Ассамблеи.

Делегация Никарагуа рассмотрела в свое время доводы «за» и «против» первоначальной резолюции, внесенной в Первом комитете представителем Соединенных Штатов г-ном Джоном Фостером Даллесом.

Это предложение предусматривало создание вспомогательного органа Генеральной Ассамблеи, который действовал бы в перерыве между сессиями Ассамблеи и рассматривал бы вопросы, передаваемые в него Ассамблеей, или любые иные вопросы, направленные на развитие политического сотрудничества между странами, мирное улаживание споров и укрепление дружественных отношений между народами и правительствами во всем мире.

Такой вспомогательный орган был бы в состоянии проводить обсуждение и делать рекомендации Ассамблее, в частности по вопросам укрепления мира и охраны безопасности всех государств — членов Организации Объединенных Наций.

Исходя из этого, мы должны рассмотреть важность данного предложения и воплощающей его резолюции с двух точек зрения: юридической и практической. Другими словами, мы должны изучить вопрос о том, соответствует ли содержание резолюции букве Сан-Францисского Устава, а также будет она или нет служить какой-либо полезной цели.

Что касается первого аспекта, делегация Никарагуа считает, что предложение и резолюция Соединенных Штатов, рассматриваемые нами сейчас, не противоречат Сан-Францисскому Уставу при условии, что межсессионный комитет, о котором там говорится, представляет собой чи-

сто вспомогательный орган и что его функции не подменяют функций, предусмотренных Уставом для других органов Организации Объединенных Наций.

При создании такого межсессионного комитета Генеральная Ассамблея не посягает на юрисдикцию Совета Безопасности. Напротив, предложение Соединенных Штатов подтверждает, что именно Совет Безопасности несет основную ответственность за поддержание мира и за принятие принудительных мер в случае возникновения ситуации, связанной с такими трениями, которые могут привести к провоцированию конфликта и угрожать миру во всем мире, поддержание которого является одной из основных обязанностей Организации Объединенных Наций.

Некоторые представители, выступающие против предложения Соединенных Штатов, утверждают, что создание межсессионного комитета является незаконным и противоречит Уставу, так как, по их мнению, это урезывает полномочия Совета Безопасности. Это неверно.

Такой межсессионный комитет представляет собой вспомогательный орган, созданный Ассамблеей для того, чтобы заниматься в период между сессиями вопросами, которые Ассамблея не имела возможности обсудить, и другими вопросами, которые могут возникнуть в течение этого периода и потребуют немедленного рассмотрения вследствие их серьезности, а также вследствие того, что они сами по себе могут привести к возникновению ненормальной ситуации, неблагоприятной для дружественных отношений между народами.

Утверждают, что у Совета Безопасности отнимут его полномочия. Напротив, резолюция признает обязанности Совета в соответствии с Уставом в отношении поддержания мира и применения принудительных мер для того, чтобы положить конец любому спору или ситуации, которые могли бы угрожать миру во всем мире.

Другими словами, задача такого межсессионного комитета будет заключаться в изучении проблем и в оказании помощи Ассамблее в выполнении ее великой задачи. Он будет иметь право делать рекомендации лишь Генеральной Ассамблее, а не государствам-членам или Совету.

В статье 22 Устава ясно сказано по этому поводу: «Генеральная Ассамблея уполномочивается учреждать такие вспомогательные органы, которые она сочтет необходимыми для осуществления своих функций».

Что это означает? Просто-напросто, что в Сан-Франциско авторы Устава предусмотрели возможность создания органов, которые сотрудничали бы с Ассамблеей в безотлагательном осуществлении целей Устава.

Нам говорили, что имеется какой-то серьезный смысл в том, что этот межсессионный комитет больше не именуется, как прежде, Межсессион-

ным комитетом по вопросам мира и безопасности, и утверждалось, что это якобы означает, что авторы предложения в действительности намереваются создать его в противовес Совету Безопасности.

Делегация Никарагуа не видит никаких оснований для таких опасений, ибо даже если межсессионный комитет и назывался бы Межсессионным комитетом по вопросам мира и безопасности, он тем самым не приобрел бы юрисдикцию Совета Безопасности. Наименование — это лишь деталь. Важное заключается в том, какими полномочиями должен будет располагать комитет, а мы уже знаем, что его действия не могут идти дальше действий Генеральной Ассамблеи.

Ясно, что Ассамблея имеет свои функции, так же как Совет Безопасности — свои; и если Ассамблея считает создание вспомогательных органов необходимым для лучшего осуществления своей задачи, делегация Никарагуа не видит никаких препятствий для этого при условии, что права таких органов не превышают прав Ассамблеи и не представляют собой посягательства на юрисдикцию других органов Организации Объединенных Наций. Здесь также говорилось, что создание такого комитета ограничило бы функции Совета Безопасности, и даже утверждалось, что лишь Совет Безопасности ответствен за поддержание мира и безопасности. Отвечая на это, мы сказали бы, что хотя и верно, что наиболее важная функция Совета Безопасности заключается в поддержании международного мира и безопасности, было бы абсурдным не признавать, что Ассамблея, то есть орган, состоящий из представителей 57 государств-членов, несет эту же важнейшую обязанность. Наоборот, создалось бы поистине серьезное положение, если бы Ассамблея перестала заботиться о международном мире и безопасности. Составители Устава в Сан-Франциско, разумеется, не имели такого намерения.

При осуществлении своих собственных функций предлагаемый межсессионный комитет, который должен сотрудничать с Ассамблеей во время перерыва между ее сессиями, будет действовать в рамках функций, приданных Ассамблее. Вот все, что касается юридического аспекта. Что касается практических аспектов, мы считаем, что межсессионный комитет откроет больший простор для деятельности Организации Объединенных Наций, вольет струю новой энергии, но будет всегда действовать в координации с другими органами Организации Объединенных Наций. По нашему мнению, его учреждение даст благотворные результаты и явится важным вкладом в достижение высочайших целей Организации, которую мы создали в Сан-Франциско. Поэтому делегация Никарагуа поддерживает резолюцию, принятую Первым комитетом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): В моем списке выступающих все еще имеется шесть ораторов. Если нет возражений, запись ораторов будет прекращена, когда будет закры-

то заседание. Если другие представители хотят выступить по этому вопросу, то я просил бы их внести свои имена в список во время выступления следующего представителя. Заседание будет закрыто после его выступления.

Теперь слово предоставляется представителю Пакистана.

Сэр Мохаммед ЗАФРУЛЛА ХАН (Пакистан) (*говорит по-английски*): Когда этот вопрос встал перед Первым комитетом Генеральной Ассамблеи, позиция, занятая делегацией Пакистана, заключалась в том, что она не видела никаких зловещих мотивов, скрывающихся за этим предложением. Мы признали, что это предложение было направлено на то, чтобы помочь более быстро и более эффективному осуществлению долга и обязанности одного из основных органов Организации Объединенных Наций. Мы приветствовали обсуждавшееся тогда в Первом комитете предложение о том, что этот вопрос следует передать в подкомитет для изучения и подготовки доклада. Выдвинутое нами предложение заключалось в том, что межсессионный комитет должен собираться в промежутках между сессиями Генеральной Ассамблеи для того, чтобы изучить вопрос в целом и его различные аспекты в беспристрастной атмосфере, и что от него должно требоваться составление докладов только для того, чтобы дать возможность представленным здесь правительствам рассмотреть этот исключительно важный вопрос, с тем чтобы он мог быть вновь поднят на следующей сессии Ассамблеи и мог быть решен после должного и тщательного рассмотрения не только делегациями, но и правительствами.

Это предложение было выдвинуто ввиду того, что были подняты и должны были быть подвергнуты тщательному обсуждению несколько важных вопросов — некоторые из них имели юридический характер, другие относились к целесообразности предложения, а остальные затрагивали некоторые аспекты предложения, как посягающие на юрисдикцию Совета Безопасности. Однако это предложение не было встречено благоприятно в Первом комитете и не получило достаточной поддержки для того, чтобы быть принятым. Поэтому этот вопрос был передан в подкомитет. После получения доклада от подкомитета это предложение было принято Первым комитетом. Многие сомнения относительно законности предложения были, однако, разрешены во время обсуждения в подкомитете, и, когда это предложение вновь поступило в Первый комитет, оно получило широкую поддержку.

Так как делегацию Пакистана в то время убедили, что, несмотря на колебания, которые она испытывала при обсуждении этого вопроса, предложение в его окончательной форме снимает большинство выдвинутых против него возражений в такой степени, что делегация будет иметь основания для его поддержки, мы проголосовали за это предложение. Мы намерены сделать то же самое в Генеральной Ассамблее.

Я не хочу отнимать у Генеральной Ассамблеи слишком много времени на обсуждение юридического и других аспектов этого предложения. Однако я хочу обратить внимание на один вопрос, который явился основным наступательным аргументом с определенной стороны против создания такого межсессионного комитета.

Ясно, что поскольку это касается вопросов мира и безопасности — хотя предлагаемый комитет не предназначен для того, чтобы решать лишь эти вопросы, и, я не сомневаюсь, докажет свою полезность также и в других областях, — однако если взять лишь вопросы, относящиеся к миру и безопасности, то совершенно ясно, что Совет Безопасности и Генеральная Ассамблея имеют, во всяком случае в определенной степени, совпадающую юрисдикцию в отношении таких вопросов. Круг их полномочий в этом вопросе не одинаков, однако их юрисдикция совпадает за одним лишь исключением, а именно: Генеральная Ассамблея не может делать рекомендаций.

Генеральная Ассамблея может обсуждать вопрос, она может принимать его во внимание, но она не может делать рекомендаций, когда этим вопросом занимается Совет Безопасности. Это предварительное замечание, и это совершенно ясно. После двух лет наблюдения за работой этой Организации создается впечатление, что Совет Безопасности не был, мягко говоря, очень быстрым и очень эффективным в отношении действий в области мира и безопасности. Этого ни-кто не отрицал и не отрицает.

Поскольку это касается одного из двух органов, которым поручено рассмотрение таких вопросов, то какое же положение возникает, не говоря уже о всех юридических деталях? Государства-члены, которые хотят поднять вопросы, касающиеся мира и безопасности, будут после этого, естественно, все в большей и большей мере обращаться в другой орган, которому также поручено рассмотрение этих вопросов. Несомненно, однако, что помощь, полученная от последнего органа, не будет столь эффективной, как помощь, которую мог бы оказать первый орган, о котором можно в целом сказать, что ему поручено в первую очередь заниматься такими вопросами. Поскольку сложилось такое положение, что вопросы, относящиеся к миру и безопасности, будут все в возрастающей степени поступать в Генеральную Ассамблею вследствие положения, которое, к сожалению, сложилось в Совете Безопасности, Генеральная Ассамблея должна быть сама в состоянии более эффективно и более быстро заниматься такими вопросами. Если в настоящее время либо процедура, либо возможности Генеральной Ассамблеи таковы, что они не отвечают задачам, которые, вероятно, будут все в большей степени ставиться перед ней, то Генеральной Ассамблее должна быть оказана помощь для более эффективного и быстрого выполнения ее обязательств в этой связи.

Я признаю, и я говорю лишь от собственного имени, что при разработке Устава и учреждении

основных органов Организации Объединенных Наций считалось, что Совет Безопасности будет отвечать задачам, возложенным на него в отношении вопросов мира и безопасности. Поскольку так считалось и так было принято, тогда не было необходимым предоставлять Генеральной Ассамблее возможность параллельно рассматривать такое же число вопросов в этой области. Было очевидным, что Совет Безопасности, который нес основную ответственность за эти вопросы, и был органом, который мог воспрепятствовать Генеральной Ассамблее в даче любой рекомендации по вопросу, который он разбирает, а также мог предпринять наиболее эффективные действия в отношении любых вопросов в пределах своей юрисдикции, будет поэтому продолжать оставаться основным органом, предназначенным для рассмотрения таких вопросов. Поэтому вопрос о механизме ООН относился больше к Совету Безопасности, чем к Генеральной Ассамблее. Главным образом для этой цели предполагалось, что Совет Безопасности будет заседать постоянно, с тем чтобы он мог в любое время обратить внимание на вопрос, навести справки о нем, изучить его, установить факты, провести расследование и предпринять меры. Его механизм существовал. В этом отношении не было трудностей.

Теперь положение изменилось. До тех пор, пока не будут устранены тупики, которые, к сожалению и прискорбию, столь часто продолжают возникать в Совете Безопасности, и члены Совета Безопасности не смогут действовать в более дружественном духе и более эффективно в целях осуществления своих функций, Генеральной Ассамблее придется иметь дело с возросшим числом вопросов мира и безопасности.

Поэтому Генеральной Ассамблее потребуется определенная помощь в установлении фактов, в изучении этих вопросов после их возникновения, в наведении справок и в проведении исследований с тем, чтобы, когда она соберется на очередное заседание, вопросы, которые могут возникнуть, были в такой стадии разработки, в которой Ассамблея сможет их рассматривать настолько эффективно, чтобы, по крайней мере, быть в состоянии оказать помощь.

В этих условиях предлагается создать межсессионный комитет для осуществления такой дополнительной функции для Генеральной Ассамблеи.

Делегация Пакистана, насколько она была в состоянии изучить эту резолюцию и ее выполнение, не обнаружила, что предлагается наделить межсессионный комитет какими-либо полномочиями, которых не имеет сама Генеральная Ассамблея. В действительности полномочия, которые предполагается предоставить такому межсессионному комитету, представляют собой лишь часть полномочий Генеральной Ассамблеи. Другими словами, межсессионный комитет не будет иметь право делать то, чего не может делать Генеральная Ассамблея; точно так же он не будет

иметь право делать то, что не может делать тот или иной постоянный комитет Генеральной Ассамблеи или какой-либо специальный комитет, который может быть создан Генеральной Ассамблеей.

Это и есть проверка, является ли такой межсессионный комитет еще одним постоянным органом Организации Объединенных Наций или вспомогательным органом Генеральной Ассамблеи. Я смею заявить, что, если он пройдет такую проверку, — если ему не будет поручено ничего такого, что не может делать Генеральная Ассамблея, и того, что не может делать тот или иной постоянный комитет Генеральной Ассамблеи или какой-либо специальный комитет, который может быть создан Генеральной Ассамблеей, — то нельзя утверждать, что такой межсессионный комитет будет не вспомогательным органом Генеральной Ассамблеи, а новым органом, посягающим на полномочия Совета Безопасности.

Предположим, что Генеральная Ассамблея могла бы проводить свои заседания в течение всего года или большей части года. Если бы было практичным проводить постоянные заседания Генеральной Ассамблеи так же, как заседания Совета Безопасности, — а я полагаю, что это не так, — то тогда, конечно, не было бы необходимости в межсессионном комитете. В этом случае Генеральная Ассамблея могла бы рассматривать любой вопрос, внесенный на ее рассмотрение, включая вопросы мира и безопасности, передавая их в один из постоянных комитетов или создавая специальный комитет для того, чтобы осуществлять то, что, как предполагается, в определенных случаях мог бы делать в перерывах между сессиями межсессионный комитет. Это, я считаю, и является проверкой, которая показывает, что межсессионный комитет создается не как новый орган с новыми, не предусмотренными Уставом полномочиями.

Против предложения о межсессионном комитете было выдвинуто возражение на том основании, что если необходимость в межсессионном комитете возникла в результате неспособности одного органа Организации Объединенных Наций и если поэтому наша цель заключается в том, что в соответствии с законом компенсации, как о нем здесь говорилось, другой орган должен стать более активным, то мы тем самым признаем, что стремимся создать такой орган, который заменит атрофировавшийся или деградировавший орган.

Я считаю, что это сравнение скрывает в определенной степени некоторую путаницу представлений. Не будем говорить притчами. Предположим, что Совет Безопасности до определенной степени сошел на нет в отношении таких вопросов, с которыми Генеральной Ассамблее придется все больше и больше иметь дело. Какой же орган в этом случае займет место Совета Безопасности? Не межсессионный комитет, а Генеральная Ассамблея. Генеральная Ассамблея, юрисдикция которой уже сейчас совпадает с

юрисдикцией Совета Безопасности, будет все в большей степени заниматься этими вопросами, потому что Совет Безопасности постоянно теряет способность их решать. Поэтому органом, который будет обладать, если хотите, большей мощностью — однако я предпочел бы называть это большей активностью — вместо органа, который сошел или сходит на нет по своей вине, — будет Генеральная Ассамблея, и Генеральная Ассамблея будет осуществлять более широкую деятельность в рамках Устава.

Межсессионный комитет предназначен лишь для того, чтобы дать возможность Генеральной Ассамблее более быстро и более эффективно осуществлять свои функции в отношении вопросов, которые теперь, по-видимому, будут ставиться перед ней во все возрастающем количестве. Осуществлять эти функции будет не межсессионный комитет. Межсессионный комитет — это лишь помощник, лишь поддержка для того, чтобы Генеральная Ассамблея могла справляться с большим объемом работы, который будет теперь на нее возложен, работы такого характера, которая по замыслу авторов Устава должна была эффективно, безотлагательно и быстро выполняться Советом Безопасности. Именно вследствие возросшего объема деятельности Генеральной Ассамблеи начинает ощущаться необходимость в дополнительном органе такого рода.

Я считаю, что фактически нет необходимости проводить какие-то исключительно тонкие юридические различия для того, чтобы определить, оправдывает или не оправдывает Устав учреждение такого межсессионного комитета.

Смею утверждать, что Устав целиком это оправдывает и что от комитета не потребуется никакой деятельности, осуществлять которую не имел бы полномочий любой вспомогательный орган Генеральной Ассамблеи. Так как дело обстоит таким образом, то в том, что касается делегации Пакистана, она не сомневается, что учреждение межсессионного комитета не противоречит ни одному положению Устава. Оно не противоречит букве Устава и не противоречит его духу. На деле комитет предназначен для того, чтобы выполнять задачи Устава, давая возможность Генеральной Ассамблее осуществлять часть ее параллельной юрисдикции, которая будет во все возрастающей степени применяться теперь, так как Совет Безопасности по тем или иным причинам не осуществляет эффективно свою часть такой юрисдикции.

Наши опасения несколько иного рода, и они заключаются в следующем. Межсессионный комитет предлагается учредить на один год в качестве мероприятия экспериментального характера, и, поскольку он не будет создан и не начнет функционировать до начала следующего года, он фактически будет действовать лишь в течение примерно семи месяцев в период между настоящей сессией и следующей очередной сессией Генеральной Ассамблеи.

Межсессионный комитет должен, помимо всего прочего, подготовить доклад о своей собственной работе. Мы серьезно сомневаемся в том, что, учитывая характер функций, которые он будет призван выполнять и осуществлять, этот период будет достаточно длительным как экспериментальный период, чтобы следующая очередная сессия Генеральной Ассамблеи могла вынести суждение относительно полезности и эффективности комитета. Это одна сторона вопроса.

Другая и более серьезная сторона заключается в том, что от имени некоторого числа государств-членов было заявлено, что они не примут участия в работе такого комитета. Создается картина, весьма достойная сожаления как сама по себе, так и вследствие того, что, если такое отношение будет продолжаться, у межсессионного комитета будет очень мало шансов оправдать себя как мероприятие экспериментального характера. Поэтому такое решение и такое заявление со стороны определенных государств-членов заслуживают глубокого сожаления. Следует горячо надеяться, что после принятия решения об учреждении такого комитета будут предприниматься все усилия, чтобы убедить государства-члены, от имени которых было сделано такое заявление, сотрудничать в работе этого комитета, ибо в конечном счете вся задача этой Организации заключается в такой быстрой и эффективной работе при рассмотрении упомянутых мною вопросов, чтобы непрестанно проявлялось все большее доверие к ее деятельности и к ее способности осуществлять эти функции. Отношение, которое было выражено от имени определенных государств-членов и которое они готовы проявить к учреждению этого комитета, не поможет Организации Объединенных Наций завоевывать все возрастающее доверие к ее способности осуществлять свои функции.

С большим сожалением говорилось, что стало уже само собой разумеющимся в отношении определенной группы государств-членов, что если принимается решение, не совпадающее с взглядами, которые они высказали в отношении определенного вопроса во время обсуждения, то они не сотрудничают в деле претворения этого решения в жизнь.

Я не буду настаивать на том, что в отношении всех вопросов и при всех обстоятельствах непреклонная обязанность государств-членов состоит в том, чтобы претворять в жизнь или сотрудничать в претворении в жизнь любого решения, которое может быть принято Генеральной Ассамблеей. Это не является одним из условий членства, но если бы это было одним из таких условий, многие государства сочли бы для себя невозможным стать членами этой Организации.

С другой стороны, если для определенной группы государств стало уже нормой поведения не сотрудничать в том случае, если решение принято вопреки их пожеланиям, то я очень серьезно опасюсь, что существование этой Организации

будет очень недолговременным и весьма бесславным.

Имеется три основных вопроса, с учетом которых было внесено это предложение. Возможно, что Специальный комитет по балканскому вопросу в состоянии функционировать и осуществлять обязательства, для выполнения которых он был создан, хотя такое заявление об отказе сотрудничать и было сделано. Однако, что касается Временной комиссии по вопросу о Корее, то очень сомнительно, что она сможет осуществлять свои функции, учитывая отсутствие сотрудничества со стороны определенных государств. У меня есть еще более серьезные сомнения относительно того, что межсессионный комитет сможет оправдать себя как экспериментальное мероприятие, если все государства не будут сотрудничать в деле достижения им успеха. В конце концов действительно нет никакой опасности ни для этой Организации, ни для одного из государств-членов, если эти государства примут участие в работе этого комитета в течение первого, экспериментального года его существования и убедятся, что функции этого комитета ограничены соответствующими рамками и что в пределах этих рамок он может успешно функционировать.

Несмотря на эти серьезные сомнения, делегация Пакистана намерена голосовать в поддержку предложения, находящегося сейчас на рассмотрении Генеральной Ассамблеи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Список ораторов по пункту 3 нашей повестки дня закрыт, как это и было решено единогласно. В нем записаны ораторы, которым слово будет предоставлено в следующем порядке: Польша, Белорусская ССР, Франция, Украинская ССР, Югославия, Нидерланды и Египет. Объявляется перерыв до 20 часов.

Заседание закрывается в 18 час. 34 мин.

СТО ОДИННАДЦАТОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Четверг, 13 ноября 1947 года, 20 час.

Флошинг Медоу, Нью-Йорк

Председатель: г-н О. АРАНЬЯ (Бразилия)

67. Продолжение обсуждения вопроса об учреждении межсессионного комитета Генеральной Ассамблеи

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Слово предоставляется представителю Польши.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): От имени польской делегации я хочу кратко, именно кратко, изложить мотивы, на основании которых наша делегация намерена голосовать